

День за днем

ПЕРМСКАЯ
Еврейская газета

יום-יום

6+

Специвыпуск
Январь-Апрель 2015г.
Тебет-Цар 5775г.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ ГАЗЕТЫ!

Вы держите в руках необычный номер газеты. Необычный потому, что вы не найдёте в нём традиционных материалов о нашей повседневной жизни. Этот выпуск — специальный, и он полностью посвящён Великой Победе в той страшной войне, которая была на всех одна. Не было семьи, в том числе и еврейской, которую бы она обошла стороной. Мы попытались рассказать о людях с разной судьбой. Вы прочтёте и интереснейшие воспоминания о последних днях войны, и рассказ о непростой судьбе узницы концлагеря, и рассказ о том, как жили в Перми эвакуированные школьники, и воспоминания о чемпионе России по настольному теннису, участнике Великой Отечественной войны. Вашему вниманию мы предлагаем и отрывки из уникального дневника, о котором рассказал в передаче на радиостанции «Эхо Москвы» военный историк Олег Будницкий.

*Дорогие друзья! Автором нашей газеты может стать каждый из вас!
Пишите о том, что вам интересно и дорого.
С праздником! С Днём Победы!*

ОДНА ЕВРЕЙСКАЯ СЕМЬЯ

*Папа, мама, брат Аркадий,
Шмерл, Рохл и я (1930г)*

Говорят, евреи воевали в Ташкенте. Слышал я такое мнение. А я расскажу, какой вклад в Победу внесла только одна еврейская семья. Однако давайте всё по порядку. У моей мамы, Иды Соломоновны, была единственная родная сестра, моя тётя Соня. Она вышла замуж за моего родного дядю Исака Трегубова. Мой отец Григорий Трегубов приехал в Кричев (Белоруссия) посмотреть, как живёт его брат Исаак, влюбился в его родную сестру Иду и женился на ней. Так получилось, что два родных брата взяли в жёны двух родных сестёр. У тётки Сони было шесть сыновей и одна дочка, а у моей мамы были два сына и дочка. Поскольку дядя Исаак рано умер, по существу у нас получилась одна большая семья, и мы считали друг друга родными братьями и сёстрами.

Летом 1940-го года, видимо, уже было предчувствие будущей войны. Тем летом собрались в Смоленской области, где мы тогда жили, все братья и сёстры. Это был незабываемый месяц. А поскольку семья у нас была певучая, то образовался знаменитый Трегубовский хор, и почти весь небольшой посёлок сбегался под

Яков Григорьевич Трегубов – участник Великой Отечественной войны, заслуженный юрист России, Почётный работник Генеральной прокуратуры России. За участие в ВОВ имеет Орден Отечественной войны I степени, медаль «За боевые заслуги» и другие награды. А ещё он замечательный рассказчик. Вы в этом убедитесь, прочитав его воспоминания.

окна нашего дома слушать песни: и русские народные, и советские, и, конечно, еврейские. Любимая песня моего отца была «Балагула» (Извозчик). А на каждой свадьбе, конечно, пели «Ломирале Энейнем». В память о том прекрасном лете остались фотографии и записи.

В июне 1941 года началась война. Хочу рассказать о каждом из моих родных, по существу, братьев.

С т а р ш и й брат Иосиф. К началу войны ему было около 40 лет. У него было плохое зрение, и он не подлежал мобилизации, тем более, что был профессор, доктор историко-филологических наук и преподавал в одном из институтов Москвы. Но в июне 1941г., когда немцы подходили к Москве, Иосиф пошёл на фронт добровольцем в составе московского ополчения, хотя никогда в армии не служил. Участвовал в жестоких боях под Москвой, под Ельней, где был тяжело ранен, и только после ранения уже не смог попасть на фронт.

Яков (Янкель) Исаевич. С первых дней войны ушёл на фронт. Насколько я помню, он служил в авиации, в метеорологической службе. Прошёл

всю войну, был ранен, но остался жив.

Особо хотел бы сказать об Аркадии (Каде). Он не был на фронте, хотя родился в 1911 году. Но он был сначала главным инженером, а потом и директором Лысьвенского металлургического завода. Этот завод, возглавляемый им, работал только на нужды фронта, выпуская металл. Но самое главное — это был единственный завод в Союзе, выпускавший знаменитые наши каски, которые носил каждый боец. За изобретение и выпуск тех касок Аркадию была присуждена, вместе с группой сотрудников, Государственная премия. За время войны он получил Орден Ленина, Орден Трудового Красного Знамени и целый ряд больших наград. Я думаю, что для Победы он сделал не меньше, чем фронтовики.

Лев (Лейбл). Он был очень красив и статен. До войны закончил театральный ВУЗ в Москве и был ведущим актёром

Ташкентского русского драматического театра. В первые же дни войны он ушёл на фронт рядовым. Воевал под Москвой в составе корпуса генерала Доватора. В 1942 г. был тяжело ранен, лежал в госпитале, а немного поправившись, вновь вернулся на фронт и в 1942 г. погиб. Семья так и не узнала, где он похоронен.

Григорий (Гирсл). Закончил ВУЗ в июне 1941 года и сразу ушёл в армию. Его как способного лингвиста отправили на курсы изучения немецкого языка, который он освоил в совершенстве. На фронте был переводчиком. Его забрасывали в тыл к немцам переодетым в немецкую форму. Он активно участвовал в передачах для немцев на передовой. В них он агитировал сдаваться в плен. Был дважды тяжело ранен, прошёл всю войну, закончив её в Берлине. Имел много правительственных наград. После войны был оставлен нашей администрацией в Потсдаме. Был одним из друзей Эрика Хонеккера. После демобилизации в 1950-х годах жил в Москве, но ежегодно бывал в Германии на праздновании Дня Победы по приглашению Хонеккера.

Самарий (Шмерл). За-

кончил исторический факультет Московского педагогического института в июне 1941 г. И сразу ушёл на фронт. О нём хочу сказать особо. Это человек, который прошёл от Сталинграда до Берлина рядовым. Был тяжело ранен под Сталинградом, контужен под Курском, но вновь возвращался в строй и прошёл всю войну. Кроме Ордена Отечественной войны I степени, Красной Звезды, Медали «За отвагу» он имел все медали за взятие городов: Варшавы, Берлина, наших городов — все солдатские медали. Хочу рассказать один эпизод. Если бы это был роман, сказали бы, что это выдумка, но это правда. Брат Шмерл воевал под Сандомиром, около Варшавы. В это же время там же, но только в другой части, воевала и наша сестра Рохл (Рая). Каким-то образом они каждый по отдельности написали маме. И мама отправила каждому из них письмо, в котором написала, что «вы где-то рядом». До сих пор непонятно, как всё это пропустила цензура. Сестра была

офицером, и она нашла брата. Они встретились на поле. Обнялись. Солдаты, окружившие их, плакали. Они вместе провели несколько часов, и память об этом эпизоде хранили всю оставшуюся жизнь. Войну закончил в Берлине в звании старшины. Здоровье его было подорвано. Уже в 1960-х годах перенёс сильнейший инфаркт и умер в 1983 году.

Раиса (Рохл-Лейя). Наша сестра. Закончив Пермский медицинский институт в июне 1944 года, сразу же ушла на фронт военным врачом. Участвовала в боях в Польше, а закончила войну в Праге. Награждена Орденом Красной Звезды, Орденом Отечественной войны 2 степени, Медалью «За боевые заслуги» и другими наградами. Оставшаяся жизнь прослужила врачом в системе МВД.

Ваш покорный слуга, Яков (Янкель - Симон). Я попал на войну в 15 лет. Мне очень трудно даже вспоминать

об этом, но это было. Когда началась война, нас, ребят, только что окончивших 8 классов, мобилизовали в трудовую армию. В шести километрах от Смоленска мы копали противотанковые рвы. Надо было вырыть 2-х-метровую строго вертикальную земляную стену, скошенную в сторону противника. Немцы уже подступали к Смоленску, и когда мы копали, немецкие самолёты нас бомбили и обстреливали. Мы закрывали головы, ложились на дно окопа, а потом продолжали работать. Как сейчас помню утро 15 июля 1941 года. Смоленск впереди нас горел. Мимо нас бежали люди с котомками, с малыши ребятами и кричали нам: «Убегайте, ребята! Немец в Смоленске!». Учителя нас, как выяснилось утром, бросили.

Мы пошли на Восток. Шли сначала по военной дороге, по шоссе. Военные, которые были здоровы, шли на Запад, а раненые ковыляли на восток. В этой каше — мы, ребятами. Немцы бомбили дорогу, расстреливали нас из пулемётов. Трупы людей, лошадей, крики, плач. Дальше идти было просто невозможно, и мы пошли на станцию, думая,

что уедем по железной дороге. Но станция горела. Стояли и горели все эшелоны. И тут же — бомбёжка. Мы пошли пешком вдоль линии железной дороги. С нами вместе бежали люди из Минска, Витебска, Смоленска с узлами, чемоданами, с детишками. Огромная толпа людей, идущих вдоль железной дороги. На самолёты уже не обращали внимания. В поле идти было нельзя: немцы расстреливали там людей поодиночке. И вдруг за 8 км от станции Ярцево — свист и разрывы снарядов. Мы ничего не могли понять. Потом выскочил военный с пистолетом и закричал: «Кто с оружием — ко мне! Немцы высадили десант под Ярцевом!» Вот в такую мясорубку мы попали. 8 км мы бежали, не останавливаясь, под огнём. Падали, вставали, брали на руки детей и несли их бегом. А мины рвались рядом. Подошли к Ярцево. Надо было перейти мост, который горел, и его бомбили. Мы, трое друзей, решили этот мост перейти под огнём. Остальные пошли в обход и попали в руки десанта. Перешли мост и пошли к посёлку, где мы тогда жили. В общей сложности прошли километров 200, т. е. родителей

дома не застали и пошли в сторону Вязьмы. Под Вязьмой встретились с родителями. Мой папа, участник империалистической войны, Георгиевский кавалер, когда услышал наши рассказы, сказал маме на идиш: «Ида, ун зер кинд гивен ин фюер». Я понял, что он сказал: «Наш ребёнок побывал в огне».

После этого мы эвакуировались в Лысьву, где тогда уже работал Аркадий. Оттуда моего папу направили а посёлок Бондох Чердынского района. А в декабре 1942 года мне исполнилось 17 лет. Нас вызвали в военкомат и сказали, что мобилизации ещё нет, но есть места в Смоленском артиллерийском училище, которое находится в г. Ирбит Свердловской области. Я немедленно подал заявление о том, что хочу добровольцем идти в армию. Пройдя ускоренный курс, получил «высокое» звание младшего лейтенанта и попал на Второй Прибалтийский фронт, командиром взвода управления 1-ой батареи 662-го артиллерийского полка 208-й стрелковой дивизии Ударной армии. Кто был на фронте, знает, что такое командовать взводом управления. Это всё время на передовой, видеть

противника, корректировать огонь батарей, стоявших на закрытых позициях в 2-3-х км позади линии фронта. А ты должен быть с пехотой, а иногда и впереди. Больше месяца двух командиры взводов не жили. Но я был контужен, отлежал около месяца в медсанбате (в барабанной перепонке до сих пор дыра), а потом вернулся в свою часть. 14 сентября 1944 года был тяжело ранен. До 18 сентября пролежал на траве без медицинской помощи, так как в суматохе про меня просто забыли. 18 сентября меня нашла медсестра и закричала: Ой, милый! Мы про тебя забыли! Тебе ж давно на операцию надо!» Трепанацию черепа делали под местной анестезией. Я всё слышал. Было больно, и

я, естественно, кричал. Хирург, уставший от бессонных ночей, сказал: «Что кричишь? Ты мужик или баба?». Он меня разозлил, и я со злостью ответил: «Посмотри вниз, тебе виднее». Он рассмеялся и сказал: «Молодец! Если путишь, значит, всё будет в порядке». Удалил мне осколки, но не все. Один проскочил за черепную коробку и остался на всю жизнь. После этого я уехал в уже освобождённый Смоленск, где меня демобилизовали.

Вот вам одна еврейская семья.

Яков Трегубов

МАРК ЮЛЬЕВИЧ ЛЕЙБЧИК

Гвардии полковник Марк Юльевич Лейбчик родился в Омске. В 1941 году окончил 10 классов. Все планы о дальнейшей учёбе и мирной жизни изменила война. Уже в июне семнадцатилетний Марк пришёл в военкомат, чтобы добровольцем отправиться на фронт. Его направили в Ирбит, в артиллерийское училище, которое он окончил с отличием. Затем был Сталинградский фронт, должность начальника разведки артиллерийского дивизиона механизированной бригады, которая под Сталинградом стала гвардейской. С ней он с боями прошёл от Сталинграда до Берлина и Праги. Войну закончил командиром артдивизиона (в 21 год!). Трижды был ранен.

Его воспоминания о войне невозможно читать без волнения.

Бэлла Новикова,
руководитель музея Пермской еврейской общины.

В гвардейской механизированной бригаде

(текст воспоминаний печатается с сокращениями)

Осенью 1942 года были сформированы механизированные и танковые корпуса новой организации, предназначавшейся для крупных наступательных операций. Они состояли из механизированных и танковых бригад, самоходных и пушечных артиллерийских полков и других частей, на вооружении имели новейшую боевую технику того времени, в том числе реактивные установки «Катюша». В механизированной бригаде было 3400 человек, 65 танков, 60 пушек и миномётов, много автоматического оружия. Это была грозная сила. Наша 54-я мехбригада начала свой боевой путь на Сталинградском фронте, вскоре стала II-ой гвардейской и прошла с боями от Сталинграда до Берли-

на и Праги. Мне довелось пройти в её рядах весь этот путь, участвуя в крупнейших сражениях Великой Отечественной войны.

Надо сказать, что личный состав нашей бригады был сформирован из солдат и моряков Дальневосточного военного округа и Тихоокеанского флота, служивших уже по 2–3 года и более, офицеры подбирались так же в основном с боевым опытом. Формировались мы на Урале.

12 декабря 1942 г. на выручку окружённым войскам фельдмаршала Паульса была брошена специально сформированная для этого группа армий «Дон» во главе с лучшим полководцем Гитлера фельдмаршалом Манштейном. В упорных боях она была остановлена, а затем и

разгромлена войсками 2-й гвардейской армии генерала Малиновского Р.Я. В составе этой армии крупно отличилась тогда наша бригада. После того, как группа «Дон» была остановлена, потеряв половину своих танков, наш корпус в ясное морозное утро стремительно атаковал противника и обратил его в бегство. Наши части яростно рвались вперёд, освобождая станции и хутора, хотя немцы всюду оказывали отчаянное сопротивление. 27 декабря наша бригада прошла с боями 105 километров, поставив рекорд суточного наступления для того времени!

Перед станцией Пимен-Черни враг встретил наш авангард сильным огнём танков и артиллерии. Бригада развернулась для

атаки, а перед этим к нам прибыл командир корпуса генерал Богданов (будущий маршал бронетанковых войск). Он приказал принести знамя бригады, встал в полный рост в своём «виллисе», рядом — знаменосец со знаменем, и командовал: «Танковый полк, в атаку!» Его «виллис» выскочил вперёд, выводя танковый корпус в атаку на станицу. Это было волнующее зрелище: красное знамя на фоне снежной равнины было видно отовсюду. Танки стремительно понеслись вперёд, обогнав машину генерала, и с ходу ворвались в станицу, вслед за ними — мотопехота и мы, артиллеристы. Бой был яростным, но коротким: через 15–20 минут всё было кончено. Мы взяли большие трофеи, в том числе продовольственные склады. К вечеру атаковали станицу Нижние Черни, где собралось много машин, бронетранспортёров из разных подразделений противника. Вдруг меня вызывает на командный пункт бригады, где я вижу генерала Богданова, комбрига Студеникина И.В. и своего командира дивизиона капитана Лунёва, который представил меня командиру корпуса: «Вот, товарищ генерал, подходящий командир для выполнения этой задачи. Грамотный, смелый, бывший разведчик».

— Сколько Вам лет, лейтенант?

— 18, товарищ генерал.

— Совсем пацан ещё. А постарше у вас есть?

— Этот справится лучше других.

— Ну что же, доставайте карту, лейтенант.

На моей карте — пятидесятке он поставил две точки по обеим сторонам дороги, выходящей из станицы на юго-запад. «Поставишь сюда по огневому взводу, орудия не окапывай, сгрузи снаряды, а как только фрицы начнут драпать, лупи беглым огнём по машинам. Вот тогда они никуда не денутся, кругом крутые склоны и глубокий снег. Проедешь туда той дорогой (генерал показал мне её на карте и на местности), тронешься, когда танки и артиллерия откроят огонь. Фрицы тебя не заметят, им будет не до этого, да и темнеет уже. Понял?»

«Так точно, товарищ генерал»

«Давай, действуй, готовность через 20 минут».

Как только танки вышли на рубеж атаки и открыли огонь, мы понеслись на ночном газу по указанной дороге. Немцы не заметили нас, мы быстро оседлали выход из станицы, и как раз вовремя, так как показались первые машины удиравших немцев. Впереди шёл бронетранспортёр, который мы тут же подожгли, а за ним ещё несколько машин. Дорога была забита горящими машинами. Вдруг выскочил танк, расчищая дорогу. Наводчик Давыдов подбил

его, а пытавшихся бежать фрицев положили осколочными снарядами... Вот, наконец, появились наши танки, за ними бежала пехота. Бой был окончен. Бригада взяла около 500 пленных. Самое удивительное, что у меня в батарее не было потерь, даже легко раненых!

* * *

Пройдя с боями Украину и Польшу, наша бригада громила фашистов на их земле — в Верхней Силезии. Сопротивлялись они отчаянно, но мы имели значительное превосходство в силах, не то, что в 1942 году. Во время короткой передышки в г. Куяу мы получили 12 апреля 1945 года приказ: «На Берлин!». Я тогда командовал дивизионом, в котором воевал с первых дней боевого пути нашей бригады. Помню, какое было воодушевление всего личного состава, когда я объявил дивизиону этот приказ. В составе войск мощнейшего I-го Украинского фронта на Берлин с юго-востока стремительно наступали две гвардейские танковые армии, в одной из них была и наша бригада. Командовал бригадой тогда опытный и грамотный гвардии полковник Носков И.Т., ещё до войны окончивший во-

енную академию. Вспоминается такой эпизод.

Действуя в авангарде корпуса, мы неожиданно для противника подошли к городу Утербог, рядом с которым был крупный военный аэродром, а на нём много боевых самолётов. В самом Утербоге был сильный гарнизон. Разведбатальон нашего корпуса блокировал аэродром и подходы к городу. Немецкие лётчики пытались поднять самолёты в воздух, чего никак нельзя было допустить, иначе они разбомбили бы наш авангард. Я выдвинул вперёд к самому аэродрому I-ю батарею гвардии старшего лейтенанта Фомина М.С. и приказал ему бить прямой наводкой по взлётной полосе. Пытавшиеся взлететь 4 самолёта были подбиты и загорелись, взлететь остальным было уже невозможно.

Разведбатальон и рота танков нашей бригады ворвались на аэродром и захватили на нём 60 исправных, готовых к бою бомбардировщиков, много всякого имущества и около сотни пленных лётчиков. Их командир, генерал авиации, успел удрать, бросив свой парадный мундир с наградами. К вечеру бригада взяла город Утербог и полторы тысячи пленных, в том числе двух генералов и полковника.

Вскоре Берлин был окружён и 2 мая полностью очищен от очагов сопротивления. Настроение у нас было отличное, война

явно подошла к победному концу. Наша бригада, как и три другие бригады нашего корпуса, получила почётное наименование «Берлинская». Два дня мы отдыхали, а утром 5 мая был получен приказ срочно выступить в южном направлении — конечная цель — столица Чехии Прага, жители которой восстали, не давая фашистам разрушить этот прекрасный город. Нам противостояла группа армий фельдмаршала Шернера «Центр», располагавшаяся в Саксонии, Тюрингии и Чехии. Против неё были брошены обе танковые армии I-го Украинского фронта — 3-я и 4-я гвардейские, а за ними шли три общевойсковые армии. Танковый танкран должен был за три дня дойти до Праги, сокрушив войска Шернера. Добивать их должны были общевойсковые армии.

Мне почему-то очень часто приходилось воевать в составе авангарда бригады или корпуса. В этой операции я был начальником артиллерии мощного авангарда, в составе которого была половина танкового полка нашей бригады. Задача — захватывать переправы, сбивая заслоны противника, и идти вперёд, куда возможно. Мы далеко оторвались от главных сил, успешно выполняя поставленную задачу. 7 мая врывается в г. Одеран, где жители не подозревали о нашем прорыве. Люди ходили по улицам, работали магазины. Когда они уви-

дели наши танки и машины с пушками и автоматчиками, поднялась страшная паника. На полном ходу мы пронеслись через город и остановились далеко впереди, захватив переправу через реку Мульда, ожидая подхода главных сил бригады.

Прорвавшись через Судеты, 8 мая мы были уже в Чехии. Спустившись с Рудных гор на рассвете этого дня у г. Яромерж, две бригады — наша и 24-я гвардейская танковая — наткнулись на какую-то очень большую мотоколонну и с ходу атаковали её. Там оказалось мало танков и артиллерии, но очень много штабных машин. Мы разнесли вдребезги эту колонну и пошли дальше. Я обратил внимание на то, что среди убитых и пленных много офицеров, в том числе старших. «Наверное, собрались штабы разных соединений», — подумал я, на большее у меня фантазии не хватило. Впоследствии выяснилось, что мы разгромили штаб группы армий «Центр», пытавшийся уйти к американцам. Разгром штаба группы армий — это был единственный в истории войск случай, и сделали это мы!

На рассвете 9 мая мы вошли в Прагу. Население, измученное шестилетней оккупацией, встречало нас восторженно. Вдоль всех дорог стояли толпы чехов с цветами и флажками и кричали: «На здар Руда армада!» (Да здравствует Красная армия!).

СУДЬБИНУШКА

Обаятельная, остроумная, Антонина Михайловна Сердюкова, несмотря на почтенный возраст, не производит впечатление человека с поломанной судьбой. Хоть жизнь и потрепала её изрядно: репрессии, фашистский концлагерь, депортация из Франции, разлука с мужем, «задушевные» беседы с госбезопасностью — вряд ли прибавили ей счастья.

Антонина Михайловна вспоминает: «22 июня 1941 года в театре в Сталинграде должен был состояться заключительный концерт учащихся музыкальных школ. Зал был переполнен. Жюри восседало в центре, а я, выкручивая от волнения пальцы, вертелась за кулисами. Конферансье, наконец, объявил мой имя, я выскочила на сцену. Сделав неловкий поклон, уже шагнула к роялю, как вдруг чья-то рука резко меня отодви-

нула в сторону. Громкий мужской голос произнёс: «Товарищи, война!». Преподаватель музыки подвёл меня к роялю и сказал: «Играй». Я заиграла «Венгерский танец №1» Брамса. Очень бравурно и тревожно. В голове мелькнула мысль: «Детство кончилось. Что-то страшное надвигается на всех нас. Надо скорее бежать домой».

До 1942 года война обходила Сталинград стороной. Но семью Тони уже «копалила». В Киеве в дом, где жила сестра отца, ворвались немцы. Расстреляли всех. Прямо за обеденным столом.

А над Сталинградом лишь изредка летали самолёты — разведчики. Никто их особенно не боялся. Настоящая бомбёжка началась только 25 августа. Туча бомбардировщиков налетела внезапно. с немецкой методично-

Предлагаем вашему вниманию в сокращённом варианте статью, написанную 13 лет назад, но не потерявшую и сегодня своей актуальности.

стью начала забрасывать бомбами каждый квартал, не пропуская ни одного дома, и... так на протяжении полутора месяцев. Потом пошли танки. Тонин дом горел. Спрятаться почти невозможно. Немцы «прикрепляли» к самолётам мощные лампы. Вся территория просматривалась. Даже ночью. В один «прекрасный» момент наступило затишье. Тогда Антонина впервые услышала немецкую речь. Фашисты искали людей, забирали их на улицах. Куда-то увозили. Куда? Никто поначалу не догадывался. Отправляли, оказывается, в концлагерь.

Антонине в то время было всего 16 лет. Вместе со взрослыми, молодыми и старыми, она шла под конвоем. К счастью, еврейку в ней никто не заподозрил. Пленные лежали на земле, ели конину — вокруг лежало множество убитых снарядами лошадей. Примерно через месяц прибыли в лагерь в 60-ти километрах от Дрездена. Лагерь расположился прямоком на алюминиево — ванадиевом заводе. Антонине предстояло про-

быть там три года. Она работала в лаборатории. А попала туда тоже очень интересно. Вот как вспоминает об этом Антонина Михайловна: «Учительница химии была у нас очень строгая. В своё время она заставила нас выучить наизусть таблицу Менделеева. И что вы думаете? Это мне пригодилось в концлагере! Я работала уборщицей в цехе. Немецкий нам в школе преподавали тоже не так плохо, так что кое-что понимала и могла сказать. И как-то я ненароком по-немецки, простите, выругалась. Это услышал мастер и привёл меня к своему начальнику. Тот спросил по-немецки, что я знаю, и я, не особо разбираясь, выпалила ему наизусть таблицу Менделеева. Вот тогда-то меня и определили на работу в лабораторию. Возможно, знание таблицы Менделеева спасло мне жизнь. Поэтому что хоть нам и не полагалось за вредность ничего, но перепало кое-что от других сотрудников. Иногда даже немцы нас потихоньку подкармливали, хотя это для них было очень опасно». (прим. ред.)

Жили советские «рабы» в бараках. В каждом утилось по 40 человек. Спать приходилось на матрасах, набитых древесной стружкой. Зимой было холодно, потом одолевали клопы. Подъём приходился на 4 часа утра. Потом — построение. Немцы пересчи-

тывали людей по несколько раз. Работали с 6 утра до 2-х часов дня. Антонина Михайловна вспоминает, что в таких вот условиях жили только советские «гастарбайтеры». Поляки и чехи, бельгийцы и французы, румыны и итальянцы — намного лучше. Им даже разрешалось ходить по городу, получать посылки от родных. Особенно наших жалели французы. Сообщали последние новости. Кормили по

возможности. Что делать было совсем не безопасно: общаться с русскими категорически запрещалось.

Вместе с Антониной в лаборатории при литейном цехе работали химики из института Луи Пастера. Работа — опасная. С вредными веществами. Молоко за вредность получали.. немцы. В апреле 1944 года один из французов, Жано, надыхался ядовитыми газами и попал на больнич-

Дорогая Антонина Михайловна!

Путь у вас нелёгкий за плечами.
Жизнь прожить — не поле перейти.

Главное — себя не потеряли,
В бытии сумели смысл найти.
Множество нелёгких испытаний
Не смогли сломить Ваш сильный дух,
Истребить любовь и сострадание,
Что в душе имеете Вы за двух.
Оптимизм Ваш, юмор и улыбка
Неизменно восхищают всех.

90. Это не ошибка?

Ошибиться-то — совсем не грех.
Потому что дух, как прежде, молод,
Потому что любите людей.
Пусть зима на улице и холод—
Но согреет вас тепло друзей.
Мазл тов! Здоровья Вам желаем,
Бодрости и ясности ума.
Поздравляем, говорим «Лехаим!»,
Поднимаем тост и пьём до дна.

Ваши друзья из синагоги и Хэсада

ную койку. Тоня отправилась его проведать. И вот тут-то, в больничной палате, и познакомилась с будущим мужем, Клодом, — он тоже пришёл навестить Жану.

В то время советские войска уже методично гнали фашистов с завоёванных территорий. Подошли и к лагерю. Заключённые стали разбегаться. Некуда бежать было только советским узникам. Антонина сумела убежать. С Клодом. Они уже успели пожениться. Разрешения советского командования на выезд спрашивать не стали. Тоня знала, чем это может закончиться. В Париж ехали в «телячьих» вагонах. Через Германию, Голландию, Бельгию. Столица Европы встретила молодых цветами и музыкой. В отличие от Советского Союза, бывшим пленным сразу давали ордер на квартиру или временное жильё. Счастье длилось недолго — через год за-

кончилось.

Выехать из страны Советов можно было только одним способом. Как из криминальных структур — вперёд ногами. Не хочешь возвращаться домой? А тебя никто и не спрашивает. Солдаты врываются в дома и забирали женщин (в Германию-то угоняли в основном их). Правительства европейских стран, в отличие от мужей русских жён, не возражали. Антонину забрали, когда супруга не было дома. К тому времени у них уже родился сын. Вместе с ребёнком, тоже в «телячьем» вагоне, их отправили в Советский Союз. В Ковеле, в фильтрационном лагере, Антонина Михайловна получила направление в Сталинград. Нелегально уехала в Свердловск. К бабушке. Поступила в Уральский политехнический институт. Окончила энергетический факультет.

Всю жизнь Антонину Сер-

дюкову преследовало прошлое. Была в концлагере? Враг народа. В 1968 году её выгнали с работы. Она преподавала в пермском политехе, читала лекции по теплотехнике. Раз в месяц её стабильно вызывали в КГБ. «Сначала, — говорит, — нервничала, а потом привыкла». Мужа она больше никогда не видела. Письма не пропускали. Супругам разрешили общаться только во время «оттепели». В шестидесятые. Вскоре .. пришла трагическая весть: Клод умер.

До 1990-х годов Антонина Михайловна боялась попасть в советскую политзону. Из «врагов народа» бывших узников концлагерей перевели в ранг пострадавших только в конце прошлого века.

*Марина Медведева
«Комсомольская Правда»
в Перми.
11 января 2002 г.*

МАЗЛ ТОВ

В 80-й раз отметил свой день рождения Хаим Витальевич Пинкас, который на протяжении почти 10 лет работал исполнителем директором Центральной пермской синагоги. Здоровья Вам, дорогой Хаим Витальевич! Жизнь Ваша простой не была: много трудностей, горечь утрат от потери самых близких и дорогих людей. Но Вы

проходите свой жизненный путь достойно.

Сохраняйте же силу духа и оптимизм до 120 лет. Мазл тов!

Зальману Михайловичу Мордковичу в день 90-летия

Все знакомые евреи
Отмечают юбилей.
Вот и вы — не исключение,
Так что просто — с Днём рождения!
Позади — нелёгкий путь,
Вроде можно отдохнуть.
Но герой наш — не таков.
Он забил на докторов:
Молится, машину водит,
Сам себе обед готовит,
Весь облазил интернет.
Молод Зальман, спору нет.
Всем нам подаёт пример
Милый наш пенсионер.
Аккуратен, элегантен,
Вежлив, грамотен, галантен,
Нашу жизнь он украшает,
Никогда не унывает.
Жизнь его отнюдь не пресна,
Ведь ему всё интересно.
Мыслит очень интенсивно,
Главное — живёт активно.
Чтоб наш Зальман был здоров
Лет 120. Мазл тов!!!

Вот так поздравили мы с 90-летием старейшего члена нашей общины Зальмана Михайловича Мордковича. Хотя, по правде говоря, термин «старейший» ему ну никак не подходит. В ответ на наши пожелания «до 120-ти» он улыбнулся и ответил кратко: «Постараюсь». И он старается. Любит жизнь и радуется всему, что она дарит. В этом номере вы прочтёте материал, опубликованный в «Иной газете» г. Березники о военном прошлом Зальмана Михайловича. Почему Березниковская газета? А потому, что после окончания Пермского государственного университета он приехал на работу на Березниковский азотно-туковый завод, предприятие всесоюзного значения. На этом заводе прошла практически вся его трудовая деятельность, а в течение последних 20 лет перед выходом на пенсию он был его коммерческим директором.

А ВОТ Я НА ФРОНТЕ БЫЛ, ОХ ТЫ, БОЖЕ МОЙ

ОБОРОНЯЯ ЗАПОЛЯРЬЕ

Не дожидаясь призывного возраста, сразу после окончания десятилетки, 17-летним мальчишкой Зальман Мордкович записался в добровольцы. По-другому поступить не мог, ведь шел 1942-й. Каждый в то время считал своим долгом встать на защиту Отечества. Месячный курс молодого бойца, затем военно-морское авиационно-техническое училище. В мае 43-го, закончив училище, получил приказ — на Северный флот.

Распределили Зальмана Мордковича в 78-й истребительный полк 6-ой авиационной дивизии Северного флота, обслуживать самолеты на аэродроме. И хоть служил в техническом составе, а не в героическом летном, выполнял свои обязанности честно. От квалификации и добросовестности техника зачастую зависел исход воздушного боя.

— Для нас война не закончилась 9 мая 1945 года, — рассказывает Зальман Михайлович. — На Севере еще ходили немецкие подлодки. Наши самолеты уничтожали их с воздуха. Это продолжалось еще до конца мая.

Старший сержант Мордкович прослужил в морской авиации до 1950 года. В свободное время играл полузащитником в футбол за полковую команду, за дивизию, и даже за сборную ВВС Северного флота.

— Развлечения сами себе придумывали, — вспоминает Зальман Михайлович. — Устраивали концерты. Я читал со сцены злободневные басни Михалкова, стихи любимого поэта Симонова. Зрителями были офицеры, их жены и дети.

Служба в армии не помешала старшему сержанту Мордковичу поступить в Ленинградский всесоюзный заочный юридический институт. Потом уже, после демобилизации, перевелся он на дневное, в Пермский университет, на 2-й курс юрфака.

За годы войны сержант Мордкович был награжден орденом Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За оборону Советского Заполярья». За взятие Петсамо и Киркинеса получил благодарность от верховного главнокомандующего, самого товарища Сталина.

*Иная газета — Город Березники.
Информационно-аналитический
ресурс, ежедневные новости
Урала и России. 25.02.2009*

**Мы были слухом, были зреньем,
Движением земли — кольца,
Послевоенным поколением,
Коленом мамы и отца.**

**Всем, что природа сохранила
И что сумела сотворить —
Улыбчивые, как Ярило,
Спрсобные громотворить.**

**Нет, мы ещё совсем не знали,
Что значит смерть, что значит тлен,
Но с детства нас земле предали,
Земле и травам до колен.**

**А птица «Реквием» свистала,
Не понимая, что весна,
Что в нас земля объединяла
Живых и мёртвых имена.**

Белла Зиф

БРОНЯ ИСАКОВНА ПОЛОНСКАЯ

Отметила своё 90-летие 30 марта. Добрая, скромная, обаятельная, человек совсем не публичный, она не очень любит рассказывать о себе, но очень гордится своими внуками Павлом (дирижёром симфонического оркестра Костромской филармонии) и Анатолием (врачом), и, конечно, племянником Юрочкой (Башметом, тем самым знаменитым альтистом и дирижёром). А мы всё-таки настояли категорически, чтобы Броня Исаковна хоть немного о себе рассказала. Она написала. Очень коротко, скупно, но за кратким текстом — большая, нелёгкая, не всегда счастливая, наверное, жизнь очень порядочного, честного и доброго человека.

Родилась я 30 марта 1925 года в городе Прилуки Черниговской области в семье фельдшера и бухгалтера. У нас была большая еврейская семья. В 1932 году мы с родителями переехали на постоянное место жительства в Киев, где мама продолжила медицинское образование в Киевском медицинском институте, который окончила, когда ей было 43 года. Из детских лет помню, как водила бабушку в синагогу, как носила её молитвенник.

В 1933 году пошла в школу. Детство было счастливым, дружным, интересным.

К началу Великой Отечественной войны окончила 8 классов. В июле 1941 года с мамой эвакуировались. В Перми (тогда Молотове) у нас жили родственники, поэтому конечная цель наша был город Молотов. Но по чьей-то вине с Волги (поезд остановился в Сталинграде) нас опять отвезли на Украину, в Донбасс. И оттуда мы с мамой вторично эвакуировались чудом, так как заботиться о нас было уже никому (в первый раз помогли родственники). В Молотов (Пермь) приплыли в трюме парохода 30 сентября 1941 года, когда уже лежал снег. И после большого, зелёного

и красивого Киева всё было не похожим и казалось угрюмым. Беспokoились и о родных. Мой брат Зелик ушёл добровольцем на фронт и погиб в самом начале войны. Сестра Рива с мужем остались в блокадном Ленинграде.

К новому городу я быстро привыкла и пошла учиться в 9-й класс. Занимались в третью смену, на Второй вышке, ходили пешком. В классах было по 60 человек, среди них много эвакуированных из разных городов. В летние каникулы работала на заводе им. Ленина токарем и табельщицей.

В 1943 году поступила в Пермский медицинский институт, который с отличием окончила в 1948 году. Первые 10 лет после окончания института работала в городской санитарно-эпидемиологической станции врачом — эпидемиологом. Участвовала в ликвидации вспышек инфекционных заболеваний, которые в те тяжёлые годы случались повсеместно. А за работу по ликвидации малярии в Пермской области была награждена в 1957 году значком «Отличник здравоохранения».

С 1958 года и до выхода на пенсию в 1976 г. работала в областной психиатрической

больнице заведующей лабораторией и врачом-бактериологом. В 1972 году получила звание «Ветеран труда».

В 1946 году вышла замуж за польского еврея. Встретились случайно — он возвращался в Польшу после демобилизации из рядов Советской Армии и с лёгкостью остался в Перми, так как свежа была память о годах немецкой оккупации. В 1947 году у нас родилась первая дочь Белла, а в 1954 г. — вторая дочь, которая, к сожалению, с детства много болела и прожила всего 28 лет.

С мужем счастливо прожили 25 лет. Он рано ушёл из жизни: сказались годы оккупации и гибель всех многочисленных родственников в немецких лагерях смерти. Овдовела в 46 лет. Помогли выжить работа, уход за престарелой мамой, которая дожила до 90 лет, забота о больной дочери, а впоследствии воспитание внуков и правнучек. Старший внук стал музыкантом, младший — врач в четвёртом поколении. Старшая правнучка учится в Москве. Сейчас помогает в воспитании младшей правнучки. С 1996 года моим вторым домом стала синагога, куда я хожу с радостью. Жизнь продолжается!

На мою долю выпала большая миссия драться за крупнейшие города Европы в ходе этой войны: за Харьков, за Сталинград, за Николаев, за Одессу, и, наконец, за Берлин.

Владимир Гельфанд

ДНЕВНИК ЛЕЙТЕНАНТА ГЕЛЬФАНДА

В январе этого года по «Эху Москвы» я услышал очередную передачу из интереснейшего цикла – «Цена Победы». В этот раз передача была посвящена не решающим сражениям Второй мировой, не выдающимся военачальникам, не оружию Победы, а дневнику. Это дневник, а точнее дневники последовательно – красноармейца, потом младшего лейтенанта, командира взвода стрелковой роты, потом командира взвода минометной роты, и, наконец, помощника начальника транспортного отдела – Владимира Гельфанда. С 1942 по 1946 гг. он был в действующей армии, а с мая 1945-го в наших оккупационных войсках на территории Германии.

Почему меня заинтересовала эта радиопередача? Дело в том, что в ней было ска-

зано о том, что послевоенная жизнь Владимира Гельфанда была связана с учебой в г. Молотове, т.е. в нашей Перми. Здесь он женился, и у него родился сын. А я помнил с детства, что моя мама дружила до последних дней своей жизни с коллегой – известным Пермским детским врачом Гельфанд Бертой Давидовной. И я, в свою очередь, много лет знаком и испытываю теплые дружеские чувства к сыну Берты Давидовны – Саше, Александру. Он с семьей много лет живет в Израиле.

Хорошо помню, как Берта Давидовна поддерживала мою маму и помогла ей, когда она долго и серьезно болела. И как моя мама навещала заболевшую подругу и носила ей домашнего бульончика.

Во время недавнего общения с Сашей Гельфандом по скайпу я рассказал ему о радиопередаче, посвященной дневникам его однофамильца. И Саша сказал, что речь идет об его отце. К сожалению, он мало знает о нем и его военном прошлом, т.к. родители Саши расстались, когда он был маленьким, в середине 50-х. Отец уехал из Молотова в свой родной Днепрпетровск.

После этого я решил узнать побольше и о фронтовых дневниках, и о самом Владимире Гельфанде. Самое удивительное, что в интернете я быстро нашел довольно много информации. Там на-

шел и тот самый знаменитый 400-страничный (!) дневник. Его перевел из рукописного вида в печатный и затем электронный сын Владимира Гельфанда от второго брака – Виталий. Он живет в Германии, в Берлине, туда и вывез архив отца в большой картонной коробке.

С 1987-го года Виталий работал над разборкой и расшифровкой большого рукописного отцовского наследия и посвятил этому четверть века своей жизни. Кроме дневниковых записей в архиве Владимира Гельфанда оказались рапорты, различного рода служебные документы, стихи, письма ему и письма, написанные им, около 500 фотографий. Это огромный массив материалов.

В 2005 году часть дневника Гельфанда за 1945–46-й год была издана на немецком языке. Эта публикация в Германии стала сенсацией, потому что немцы много, особенно в последние годы, вспоминают о том, что происходило в 1945 (особенно!) – в 1946-м году. И здесь они впервые увидели такого рода впечатления, записанные советским офицером.

А в 2007 году в Германии даже была осуществлена театральная постановка по страницам «Немецкого дневника» Гельфанда под названием «Русско-немецкий солдатский разговорник. История одного диалога».

Парадокс истории с днев-

ником Владимира Гельфанда в том, что он вышел в немецком переводе и вышел в переводе на... шведский! Но у нас в России его дневник не выходил ни в каком виде. Прочсть его можно только в интернете.

Свой дневник Владимир Гельфанд начал вести ещё в мае 1941-го года школьником и закончил в начале октября 1946-го года, вернувшись из Германии в родной Днепропетровск.

Я два дня читал скачанный из интернета дневник Гельфанда и неделю находился под сильным впечатлением от прочитанного. По своей эмоциональности, достоверности, точности наблюдений, психологизму, иронии, самоиронии и по хорошему литературному языку этот дневник для меня явился большим откровением, подчас шокирующим.

По уровню литературы — это настоящий сплав из первых военных произведений Ремарка и Хэмингуэя, Бабелевской «Конармии», Швейковской эпопеи Гашека, лейтенантской прозы Бакланова и Ожуджавы и местами даже из «Они сражались за Родину» Шолохова, военных дневников Симонова и военных повестей Астафьева.

В дневнике все это присутствует, и на хорошем литературно-исповедальном уровне. Причем Гельфанд вел записи в совершенно неммыслимых условиях. Он писал в окопе, во время краткого затишья на ядках с минами, в дороге, в госпиталях, ночами при мерцании свечных огарков, самодельных коптилок из гильз. Писал в блокнотах, тетрадках, на отдельных листках бумаги и просто на их обрывках. И это писалось не после осмысления произо-

шедшего, а сразу, по горячим следам, в тот же самый или на следующий день! Это не мемуары, написанные после войны. Такого рода личные документы бесценны ещё и тем, что всё увиденное Гельфанд называет своими именами.

Этот дневник представляет большую ценность, т.к. в годы войны военнослужащим было запрещено вести свои дневники. Но на самом деле относились к ведению дневников очень по-разному в разных местах. По большей части их действительно запрещали, в некоторых случаях, скажем, контрразведчики вели профилактические беседы с тем человеком, которого замечали за ведением дневника. Если там не было ничего, содержащего номера частей, дислокацию, имена — ну, записываешь какие-то личные впечатления, и ладно, только смотри.

Что касается случая Владимира Гельфанда, то, например, командир ему советовал писать химическим карандашом: он лучше сохраняется, чем чернила. А политрук просто указывал ему, что писать в этом дневнике. Но, по счастью, политрук, который с ним жил некоторое время в одной землянке, потом куда-то делся, и он смог записывать то, что считал нужным.

Гельфанд не был склонен приукрашивать окружающую действительность, скорее наоборот: он относился к жизни скептически, с мрачным пессимизмом и при этом с фатальной уверенностью, что не погибнет и, как мне показалось, жил в соответствии с Соломоновой мудростью «все пройдет, и это пройдет».

При этом он с радостью видел, чувствовал и отражал в дневнике все, что могло

приносить радость на войне: красоту природы, девичью и женскую прелесть, письма от близких и знакомых, книги, которые он без перерыва читал.

Важно то, что он ничего не сочинял. Благодаря его дневнику сохранена память о десятках неизвестных, незамеченных, не вошедших в историю людей.

Исследователь дневника и участник той передачи на «Эхе Москвы» известный военный историк Олег Будницкий сказал, что он находил через базы погибших, воевавших и награжденных немало тех людей, которые упомянуты в дневнике Гельфанда. И удостоверяет правдивость дневника.

В чем ещё уникальность этого дневника? Во-первых, это большой хронологический охват событий 1941–1946 гг. Во-вторых, то, что это велось или на передовой или близко к передовой. И в том, что он писал все время. Практически почти ежедневно. Причем он писал не только дневник: он писал стихи, статьи во фронтовые газеты, письма родственникам, школьным друзьям, писал письма за своих товарищей, которые не умели писать или из-за ранений писать не могли.

В дневнике Гельфанд нигде не изображает себя героем. В армию его призвали 6 мая 1942-го года, и он попал после 3-недельной подготовки, как он пишет, на Харьковский фронт. Попал он в самое тяжелое время, наверное, не считая 1941-го года. Никакого Харьковского фронта не было, он попал в Харьковскую катастрофу. Шло бегство наших войск, несмотря на то, что вначале они превосходи-

ли гитлеровцев почти в два раза. Вот что он пишет.

20.08.1942.

Одиночки, мелкие группы и крупные подразделения, все имеют изнуренный, измученный вид. Многие попереодевались в штатское, большинство побросало оружие. Некоторые командиры посрывали с себя знаки отличия. Какой позор! Какое неожиданное печальное несоответствие с газетными данными. Горе мне, бойцу, комсомольцу, патриоту своей страны! Сердце сжимается от стыда и бессилия помочь в ликвидации этого постыдного бегства. С каждым днем я все более убеждаюсь, что мы сильны, что мы победим неизменно, но с огорчением вынужден сознаться себе, что мы неорганизованны, что у нас нет должной дисциплины, и что от этого война затягивается, поэтому мы временно терпим неудачу. Высшее командование разбежалось на машинах, предало массу красноармейцев, несмотря на удаленность отсюда фронта. Дело дошло до того, что немецкие самолеты позволяют себе летать над самой землей, как у себя дома, не давая нам головы вольно поднять на всем пути отхода. Все переправы и мосты разрушены, имущество и скот, разбитые и изуродованные, валяются на дороге. Кругом процветает мародерство, властвует трусость. Военная присяга и приказ Сталина попираются на каждом шагу.

Вот такой текст. Если бы этот текст попал к какому-нибудь osobисту?! Но это написано советским патриотом. И он, конечно, с восторгом воспринял приказ Сталина номер 227 «Ни шагу назад!».

При отступлении из-под

Харькова Гельфанд попал в окружение, вырвался из него. Отступал к Сталинграду, участвовал в обороне Сталинграда, был в декабре ранен. Госпиталь. Потом он воевал на Украине. В частности, участвовал в боях на подступах к Крыму в 1943-44-м годах. Переходил через знаменитый залив Сиваш.

Он был одним из первых, кто вошел в Одессу. У него очень интересные записи, сделанные буквально в день и на следующий день после того, как Красная армия освободила этот город.

Его помотало, что называется, по разным фронтам. Владимир Гельфанд был минометчик, опаснее этого в войну — только пехота. Сначала недолгое время он был рядовым, потом сержантом, потом попал на курсы младших лейтенантов (все-таки считалось, что он человек образованный по тем временам — закончил 8 классов и один курс подготовительного рабфака для поступления в институт, всего 9 классов).

С первых дней в армии Гельфанд, пацан со школьной скамьи, еврей, к сожалению, подвергался унижениям, оскорблениям и даже побоям, становился жертвой обмана и воровства, несправедливого отношения со стороны начальства.

С болью и негодованием он, воспитанный в духе советского интернационализма, пишет, как часто приходилось сталкиваться ему с антисемитизмом на протяжении всех лет. Это было и в 1941 году в эвакуации на Северном Кавказе, и все годы в действующей армии.

23.10.1941 Ессентуки

Евреи. Жалкие и несчастные, гордые и хитрые, мудрые и мелочные, добрые и скупые, пугливые и отчаянно-бесшабашные...

На улицах и в парке, в хлебной лавке, в очереди за керосином — всюду слышится ужасный, ненавистный шепот. Говорят о евреях. Евреи — воры. Одна еврейка украла в магазине шубку. Евреи имеют деньги. У одной оказалось 50 тысяч, но она жаловалась на судьбу и говорила, что она гола и боса. У одного еврея еще больше денег, но он говорит, что голодает. Евреи не любят работать. Евреи не хотят служить в Красной Армии. Евреи живут без прописки. Евреи сели нам на голову. Словом, евреи — причина всех бедствий. Все это мне не раз приходится слышать — внешность и речь не выдаст во мне еврея.

Но я замечаю: здесь, на Северном Кавказе, антисемитизм — массовое явление. На всеобщее, к слову, открыто (во время перерыва), в присутствии командиров отделений ребята рассказывают, что во время бомбежки Минеральных Вод евреи подняли крик, начали разбегаться, побросав вещи, а одна женщина-еврейка подняла кверху руки, неистово и пронзительно крича.

28.06.1942

По дороге на Сталинград отсюда нашел две немецких листовки. Какие глупые и безграмотные авторы работали над их составлением, какие недалекие мысли выражены в них. Кто поверит их неубедительным доводам и доверится им? Единственный, к моему горю, умело вставленный аргумент — это вопрос о евре-

ях. Антисемитизм здесь сильно развит и слова, что «мы боремся только против жидов, севших на вашу шею и являющихся виновниками войны», — могут подействовать кое-накого. Далее там указывается на то, что «жиды», дескать, засели в тылу, воевать не идут и не хотят быть комиссарами на фронте из-за своей трусости. Это уже чересчур смешно звучит, а выглядит в устах составителей листовок просто анекдотично.

В ответ на то, что евреи сидят в тылу, я могу сказать, что только в одной нашей роте насчитывается не менее семи евреев, что при малочисленности их по сравнению с русскими (на всем земном шаре до войны проживало около II миллионов евреев) — слишком много. Насчет боязни евреев мне и говорить не хочется. Я им покажу в бой на своем примере, какую они чушь несут.

29.12.1942

Какие мерзавцы имеются в армии, какие бешеные антисемиты. Кроме того, трудно жить нам здесь, в безобразнейших условиях нашего госпиталя. Завтрак, например, получаем мы часов в 6—7 вечера. В 5 часов утра должен быть ужин, но его не получаем вовсе. Причем пища — жидкая вода одна с манкой вперемешку, да и то три черпачка всего. Хлеба — 600 грамм, масла — 20 грамм и 40 сахара. Много других ужасающих неполадок, но люди (не все, правда) во всем обвиняют евреев, открыто обзывают всех нас жидами. Мне больше всех достается, хотя я, безусловно, ни в чем тут не виноват. На мне вымещают они свою злобу и обидно кричат мне «жид» и никогда не дадут мне слова вымолвить

или сделать кому-либо замечание, когда они сорят и гадают у меня на постели.

Сейчас здесь был политрук, тоже еврей. Он серьезно разговаривал со всеми, все со всем соглашались, но как только он ушел, посыпали в его адрес и в адрес всех евреев ужасные оскорбления. Гнев душит меня. Но сейчас стемнело, и я не могу много писать, тем более что один из этих мерзавцев, что надо мной лежит, сыплет мне на голову всякий мусор, приходится отодвигаться на край нар.

Немцы при своем отходе расстреляли многих жителей Сальска. Здесь же расстреливали одних евреев и немного коммунистов (наиболее ответственных).

13.03.1943

Эти рассказы о массовых казнях ни в чем не повинных евреев заставляют меня с еще большей тревогой думать о дорогих родных моих из Ессентуков, об их судьбе. Насчет немцев я навсегда решил: нет врагов для меня злее и смертельнее их. До гроба, до последнего дыхания. В тылу и на фронте я буду служить своей Родине, своему правительству, обеспечившему мне равноправие как еврей. Никогда я не уподоблюсь тем украинцам, которые изменили Родине, перейдя в стан врага и находясь теперь у него в услужении. Чистят сапоги, лижут им ж...., а те их лупят по продажным собачьим харям.

Карымов был старшиной одной из палат. Вместе нас выписали. Вдруг стали говорить о начпроеде, ругать его. Кто-то сказал, что он еврей, хотя тот был русским.

«Евреи все такие, все мер-

завцы — громко заметил вдруг Карымов, — они и в госпитале засели. Выписали меня, когда рана еще не залечилась. Где хорошо, там евреи — жиды и жидовки. Их недаром немец стреляет. С нами тоже «Абгам», — закончил свою тираду он, театрально махнув рукой в сторону меня.

07.05.1945

О евреях. Зачем я еврей? Зачем вообще существуют нации на свете? За что не любят евреев? Почему часто приходится скрывать свое происхождение?

Здесь есть один еврей-боец. Хотя он и имеет некоторые привычки, не нравящиеся мне, как, например, сильно размахивает руками при разговоре, крутит у собеседника пуговицу, тянет за руку во время разговора, он все же близок мне и симпатичен. Ибо он так же презираем, как я, его так же не любят, как и меня. И хотя я, обладая привычками культурного человека, лицом своим похож скорее на грузина или армянина, что мешает распознавать во мне еврея, фамилия моя вскрывает сразу корни моего происхождения.

Еще 24-го мы вышли на полковые учения, на расстояние в 19 километров отсюда к Новочеркаску. Сегодня пришла рота. Кузин, боец по прозвищу Рыжий, долго кричал, что я симулянт, что нас, евреев, давно следует перестрелять, что я «проклятая еврейская морда». А когда я сказал ему, что он не соображает, что говорит, и это будет говорить потом, в другом месте, он стал бросаться, душить меня, пока я его не оттолкнул как следует. Большинство сочувственно ему ухмылялось, а

некоторые, как Хабибуллин и один поляк, открыто поддерживали его.

23.07.1943

Панов сейчас, когда я пишу, тоже болтает: «Вот я знаю, этот воевать не будет, им только писать...» И ко мне обращаясь: «Вот ты не серчай, но ты почему пишешь? Это люди больные в тылу могут сидеть, но не ты. Ты же здоровый человек, а пишешь. В тылу хочешь отсидеться?». «Послушай! — отвечал я ему — разве мне нельзя писать, и почему ты так необдуманно бросаешь слова: в тылу, тыл... Ведь ты не знаешь, где я был. Я, возможно, больше тебя воевал. И как ты можешь говорить о человеке, не зная его нисколько? Я так же, как и ты, был на фронте, как и ты, нахожусь здесь, учусь...». «Ты был в тылу. Кто видел тебя на фронте? Там вашего брата нет, и никто вас там не видел.

Лучше всего себя Владимир Гельфанд чувствовал там, где идет бой. Там он был на месте. Он был уверен в своих действиях, тверд и решителен, что не было свойственно его характеру, как он сам писал в дневнике. Все приказы его выполнялись даже самыми своевольными подчиненными, многие из которых по возрасту были старше его.

И ещё удивительно, но Гельфанд как будто абсолютно был лишен страха смерти. Он был уверен, что с ним будет все в порядке. Вот падают снаряды, а он сидит и пишет. Темно, ужасно, обстрел сильный, все в ужасе. Командир не выходит из землянки, сказавшись больным, ординарец Гельфанда спасается на полу под лавкой, а он сидит и пишет.

В дневнике у него есть очень хитрое описание одного страшного момента. Перед боем он знакомится с девушкой — санинструктором Марией Федоровой из Атрахани. Речь шла не о флирте, а о простом общении. Она медаленосец, а у него тогда не было никаких наград.

Начинается обстрел, и он галантно уступает ей свой окоп. Потому что его окоп лучше оборудован, глубже. А сам перебирается в ее окоп, который менее глубокий. Через полминуты после этой рокировки снаряд попадает в его бывший окоп, где эта девушка. Там от неё ничего не осталось. Гельфанд пишет, что на месте окопа он успел только поставить памятный знак и написал на доске коротенькую эпитафию. И все. Пошли, пошли дальше в атаку.

По данному эпизоду Олег Будницкий сказал в радиопередаче, что он по базе данных Министерства обороны нашел эту Марию Федорову — все абсолютно соответствует: дата гибели, санинструктор, астраханка. Это к вопросу о точности дневника.

Хочется навскидку процитировать коротенькие фрагменты из дневника, показывающие все тяготы войны и отношение автора к происходящему:

30.09.1943

Позавчера немцы накрыли нас своим артогнем. Да так точно, что только чудо какое-то спасло нас всех, и ни одного не убило, не ранило. Я оставался в окопе во время артогня. Решил не прятаться — будь что будет. Но снаряды рвались так близко и такой силы они были, что мой окоп разрушило, от сотрясения и меня всего засыпа-

ло землей. Если бы не успел чуть раньше высунуть голову, мог задохнуться.

11.10.1943

Вчера весь день стрелял. Выпустил мин 700, чтоб не соврать. Сколько постреляли «огурцов», как их здесь по телефону именуют, никто нас не спрашивал, но сколько их осталось — спрашивали ежеминутно.

Противник всю территорию обстреливает, и невозможно найти на всем нашем участке живого места, свободного от воронок. Я даже удивляюсь, как он, немец, не обнаружил нас здесь. Недолеты мин и снарядов рвутся в 5-10 метрах от позиций наших.

Вот и сейчас, завывая, падают, разрываясь, мины шестиствольных минометов врага.

Успел пока написать 5 писем: маме, родным в Магнитогорск, папе, тете Ане, дяде Люсе.

17.11.1943

Сапоги мои тесные, а валенок не выдали. Брик теплых тоже нет. Тельники обещают дать. Ноги мои, отмороженные еще в Сталинградскую зиму 42-го года, мерзнут ошалело и заставляют меня почти не выходить из землянки, сидеть, укутавшись ногами в плащ-палатку и зарывшись в солому.

28.04.1944

Наконец-то, о чем я лишь слегка догадывался, осуществилось. Сегодня Полушкин назначил меня командиром стрелкового взвода. Подумать только: в награду за восемь месяцев боевых действий на фронте в этой части! Но назло всем чертям он не погу-

бит меня, этот человек, ненавидящий меня исключительно за то, что я еврей, очевидно, мечтающий: «Пусть повонет, раз еврей!».

Он думает, что я еще не видел то, что называется передним краем. Страшновато, конечно, и жить так хочется, но ведь не может быть, чтобы судьба погубила меня столь внезапно. Ведь так приятно, что я и жизнь столь неразлучны были до сих пор, и трудно подумать, поверить, что они могли бы разлучиться в дальнейшем.

7.05.1944

Вчера исполнилось два года моего пребывания в Красной Армии. Будущее покажет, что произойдет. А в остальном я не доктор, как говорят некоторые. Жизнь моя нужна не только мне, ибо в противном случае судьба сделала бы меня уродом, лишила бы меня всего, чем я обладаю сейчас, и давно покинула б меня на съедение и растерзание лютой смерти, разбушевавшейся до предела в эту войну.

А раз так, то найдется и для меня красавица, будет парить надо мной прекрасный ангел любви, и прочее необходимое и неизбежное придет ко мне с течением дней. Только бы я не был ранен, не стал уродом — мечта единая моя сейчас. И вторая мечта моя — стать писателем. А что для этого надобно? Талант, трудолюбие и время.

Еще не достаёт мне награды. Столько воюю я, и никто не оценил мои усилия. Девушки-санитарки, артистки, плохонькие дивизионные завсладками — и те носят медали на груди, а я? Не заслужил, должно быть...

Грохочет «Катюша» слав-

ная, может, вскоре и начнется. Нельзя сейчас так азартно расписываться, не время. Я кончаю. Темнеет. Где-то дрожит пулеметная дробь, твоякает басистое орудие и хлопает ружейные выстрелы.

Фронт настороженно ожидает чего-то.

11.05.1944

От дяди Люси получил вчера второе письмо за последние месяцы. Оба: от 23/IV и от 3I марта 44 года. Отвечал вторично. От мамы третье — ответил опять сегодня. От тети Ани за 27/II, 4/IV, 7/III, 25/I, 18/IV, 19/III, 10/IV. От папы — 23/III, 14/IV, 28/III. Папе написал. От Сани два письма, от Нины Каменовской — одно. Написал Нине Каменовской вчера и сегодня. Выслал стих «Жизнь» Сёме.

Сегодня уходим на передовую. Будем занимать оборону по эту, левую сторону Днестра, на окраине села Красная Горка.

Уже вечереет. Скоро опустится солнце, скроется за горизонт, и, когда посереет воздух, мы двинемся.

14.05.1944

Все дни моего пребывания здесь (вместе с частью я здесь нахожусь с 9 числа) кругом гремят бои страшные. Особенно по ту сторону Днестра, где наши занимают небольшую, но довольно укрепленную плацдарм. Несколько дней назад немцы потеснили наши части и отодвинули их от села влево, но дальше все их потуги ни к чему не привели, и теперь фронт вот уже несколько дней стоит на месте.

Днестр здесь не широкий — всего 100 метров, и вот ежедневно на ту сторону Днестра

наведываются группы самолетов, на протяжении всего дня по 20, по 30, по 15. То наши, то немецкие. Наши, конечно, преобладают сейчас в воздухе.

Ответил Ане письмом со стихотворением «Жизнь», Майе — со стихотворением «Мам». Написал в редакцию «Кировца» стихотворение «В Одессе». Отправил письма маме, папе, тете Ане. Написал письма Сани и Ляле Цорр в Днепропетровск.

09.07.1944

В газете «Кировец» опубликовали мое стихотворение «Миномет», но при этом изменили название на «Мой миномет» и, помимо неудачных исправлений в тексте, сделали грубейшую ошибку, вместо «удостоен» написав «удостоин». Я возмущен до предела. Но ответ еще не написал: все не было времени. Сейчас займусь письмом редактору Щетинину непосредственно.

Уважаемый товарищ майор Щетинин!

С удовлетворением констатируя исполнение Вашего обещания опубликовать на страницах «Кировца» мои стихи, я, однако, должен передать Вам, что возмущен допущенной в тексте грамматической и некоторыми ошибками стилистического характера, сделанными правщиком при замене первоначального текста иным, ничего общего не имеющего с моим.

Соглашаясь еще с изменением заглавия, я никак не могу согласиться, что слово «удостоен» пишется как «удостоин», а предпоследний стих:

Я миномет до блеска чищу

И он послушен, как живой

Приятно мне, как мины свистят

Когда врага в раздумье
идут

Так высоко над головой
Они врага везде отыщут
И на земле и под землей!

В конце 44-го в начале 45-го года Владимир Гельфанд в составе 301 дивизии участвовал в кровопролитной Висло-Одерской операции, позволившей Красной Армии выйти через Польшу к границам Германии. При этом он направлялся на самые горячие участки боевых действий.

20.08.1944

От роты осталось человек 30. Было 70. Два командира взводов убиты, один ранен. Я присутствовал, когда они получали задачу. Те двое перед боем были бледны, и на их лице я прочитал смертельную тень мертвецов. Я испугался при взгляде на безразлично-мертвенное лицо одного и на его ровные, безжизненные ответы, на торопливо-неровные расспросы другого и испуганное движение глаз и понял, что им не жить. Мне хотелось тогда закричать, остановить, пожать им руки и успокоить перед боем их сердца, но я не посмел этого сделать, ведь не ребенок же я. А тот, что был ранен, младший лейтенант, отвечал бойко, чуть испуганно, но уверенно, и в его словах чувствовалась жизнь и способность за нее бороться.

Самое тоскливое на войне, самое кошмарное в момент боя — сидеть в окопе, в щели, наблюдать дым от градом разрывающихся снарядов, чувствовать дыхание земли, запах гари и ощущать неровное сердцебиение в своей груди. На воле, в бою, в момент схватки с против-

ником забываешь и страх, и опасность, и никогда не испытываешь такого неприятного ощущения, как сидя на одном месте, в бездействии, проныкнувшись навязчивой мыслью о неудобном соседстве с кровяным адом.

Пехотинцы, оставшиеся в живых, проявляли большой героизм. Одного такого героя, который, очевидно, так и останется безвестным и не награжденным, я видел сегодня. Он был ранен в обе руки, но ранеными руками перевязывал других раненых (не было санитаров), вынес этими же руками 10 автоматов и одиннадцатый свой. Больше у него не хватило сил, и, когда я встретил его, он истекал кровью.

14.01.1945

4 часа 50 минут утра. На дворе еще темень непроглядная, а фриц уже донимает душу яростными налетами. Сердце колотится, жутко, когда рядом гремят, воют, рывкают снаряды, а ты сидишь и ждешь решения судьбы, уже не раз вмешивавшейся в твою историю.

Свет тухнет за каждым разрывом снаряда. Земля осыпается: она тоже нависла серым кошмаром над моей головой, и толщина ее слоя сверху 50-60 см. Я в туннеле, прорытом от огневой вправо на 1 метр, или, самое большее, на полтора в глубину. Выход в сторону противника очень опасный. Мы на глазах у неприятеля, и все самые яростные его налеты посвящаются нашей позиции, отзвываясь в наших сердцах тоской отчаянной. Бойцы ругаются: им страшно. Но я молчу, не подаю вида, что боюсь — командир должен обладать железны-

ми нервами.

Вчера ходил в шестую роту по вызову комбата соседнего батальона, который мы временно поддерживаем. Там, после одного из налетов артиллерии врага, убито 4 человека. Лежат прямо в ходу сообщения, искромсанные, окровавленные — их некогда убирать.

17.02.1945

Часто размышляю о своей нынешней жизни. Ну, чего мне сейчас не достает? Бумаги много, время тоже не покидает меня, есть карандаши и чернила — пиши, дружок, пользуйся возможностью. Но вот два препятствия сильно тормозят мою работу, путают мысли и мучают невыносимо: вши и холод.

Из письма Александра Гельфанда, сына Владимира Гельфанда:

«Ни в 1965 году, ни в 1982 году у меня не возникало вопроса, как Владимир Натанович Гельфанд попал в первый эшелон форсирования Одера. Я думал, что по приказу. Но это оказалось не так. Из дневников отца, которые прислал мне мой брат Виталий Владимирович Гельфанд, стало ясно, что отец пошел туда добровольно. Командование предупреждало военнослужащих, что готовится очень опасная операция, и набирало добровольцев. Стали ясны и мотивы, которые подвигли Владимира Натановича на решение пойти добровольцем почти на верную смерть.

Советский патриотизм?

— Да!

Ненависть к гитлеровцам?

— Да!

Бесшабашная смелость?

— Да!

Но все эти важные мотивы

вы были второстепенными по сравнению с необходимостью уйти из роты Рысева. Положение В. Н. Гельфанда в роте Рысева было ужасным. Капитан Рысев был лейтенанта Гельфанда по лицу в присутствии других военнослужащих, провоцируя его на ответ. В. Н. Гельфанд писал: «Или я его ударю в ответ и он меня пристрелит за то, что я поднял руку на командира, или я сам его пристрелю и буду расстрелян по приговору трибунала за убийство». А руководство батальона ничего не предпринимало, складывая жалобы Гельфанда на Рысева и Рысева на Гельфанда. И тут вдруг у отца появилась возможность законным путем уйти от Рысева, хотя и почти на верную смерть».

Весной 1945 года он в составе I-го Белорусского фронта маршала Жукова пересек границу гитлеровской Германии и принял участие в подготовке к штурму Берлина, участвуя в боях с немцами, засевшими и яростно оборонявшимися на подступах к фашистской столице.

02.03.1945

Наши минометы расположились густой цепью у самого переднего края: минометы всей армии! Впереди, метров 20, артиллерия 45, тоже цепью. Сзади 76 мм. А еще дальше... Что и говорить. Видел я множество «Катюш», «Иванов грозных», или, как их называли, «Мудицевых», видел я массу танков, самоходных пушек, и вообще, чего я только не видел в стане нашей обороны, но все-таки враг не сразу умолкнет, у него тоже много техники, и подавить ее огонь трудно. Этот про-

рыв будет самым потрясающим и самым значительным из всех существовавших ранее, ибо противник более полугодом укреплялся, подтягивая сюда силы и технику.

14.04.1945

Перед самым решающим наступлением назначили в штаб составлять ЖБД — журнал боевых действий. Наша артиллерия устроила немцам не очень уж сильный концерт, но и он подействовал на противника так, что тот откатился намного дальше, чем было в расчетах нашего командования. Полная неожиданность: много пленных. Я в конце войны, к сожалению, оказался тыловым основательным — от противника не ближе двух-трех километров все время нахожусь. Очень не радует меня подобная перспектива, и тянет туда, где гремит, охает и пылает!

По прочтении дневника первоначально сложилось впечатление, что непосредственно в штурме Берлина Гельфанд участия не принимал. Однако это не так. Вот как объясняет это обстоятельство его сын Александр: «Во время боя писать, ясное дело, было некогда. А ретроспективно отец вообще ничего не описывал. Кроме того, он не умел отличать главное от второстепенного. Сравните со Сталинградским сражением. — Во время боев в Сталинграде у него в дневнике появляется в среднем одна запись за месяц — потому, что писать было некогда. Но вот в конце Сталинградской битвы Владимир Натанович Гельфанд попал в госпиталь. Его состояние здоровья позволяет ему писать, вот тут бы и описать

Сталинградское сражение!

Но нет! В.Н.Гельфанд пишет о том, как его обманул сосед по палатке».

С марта 1945-го года как активный корреспондент фронтовых газет лейтенант Гельфанд был назначен вести журнал победных боевых действий при штабе 301 дивизии. Ему повезло, в том плане, что, судя по его дневниковым записям, значительная часть роты, в которой он воевал, погибла. И, возможно, то, что в последние 1,5 месяца войны он находился при штабе дивизии, спасло ему жизнь и сохранило для нас его дневник, который он пронес с собой с 1941 года.

С 25 апреля 1945-го Гельфанд со штабом дивизии был уже в Берлине. Представлять к наградам лейтенанта Гельфанда начальство не спешило. Но по совокупности за Одерский плацдарм и взятие Берлина он получил Орден Красной Звезды.

Он, конечно, не был большим поэтом, но, тем не менее, писал непрерывно. И вот, в победном мае 1945-го года, добравшись до Рейхстага, он написал стихотворение, которое нацарапал на одной из колонн этого здания:

На балконе берлинского здания

Я с друзьями-бойцами стою,
И смотрю, и плюю на Германию,
На Берлин побежденный плюю!

После Победы над Германией Владимир Гельфанд пытался поступить на курсы военных переводчиков и после объявления СССР войны Японии переехать на Восток, чтобы участвовать в разгроме японских войск. Но его оставили служить в Советской оккупационной зоне в Германии.

Гельфанд хотел домой, «полная апатия, безразличие», — записал он в дневнике 12.06.1945.

Все лето он надеялся на увольнение с военной службы. Однако критерии увольнения Владимира Гельфанда не касались, он не был замечен ни первой волной демобилизации соответственно указа от 23 июня 1945 года, ни вторым громким указом от 25 сентября 1945 года.

Без определенного задания, он проводил июнь в неустойчивых отношениях с командованием. Когда Научная библиотека должна была быть изъята, он считал это «порочным варварством» (запись от 16/17 июня).

Безуспешно пытался он отпроситься и в отпуск к больной матери в Днепропетровск. Там она после возвращения из эвакуации никак не могла добиться в течении почти 2-х лет возвращения ей комнаты, где она проживала с Владимиром до войны, и имущества, присвоенного соседями.

В Германии Гельфанд находился вплоть до сентября 1946 года. Он служил в разного рода хозяйственных

частях. Организовывал поставки товаров и материалов в советские части, а также транспортировку и демонтаж имущества реституции.

Он много разъезжал по городам Германии. Купил фотоаппарат, увлекся фотосъемкой. Из Германии он привез около 500 фотографий.

В октябре 1946-го Владимир Гельфанд после пяти военных лет вернулся в родной Днепропетровск.

В 1949 году он вступает в брак с девушкой, которую знал со школьного времени и с которой во время войны был в переписке, Бертой (или как он называл в дневнике Бебой) Койфман. Она жила с родителями в нашей Перми (тогда Молотове) и училась в институте. В апреле 1950 года у них родился сын Александр.

В 1952 Владимир Гельфанд закончил обучение на филологическом факультете в Молотовском университете им Горького. Он писал дипломную работу о романе Ильи Эренбурга «Буря». В феврале 1951 года Гельфанд даже встречался с Ильей Эренбургом в Москве для беседы.

С августа 1952 года Владимир работал преподавателем истории и русского языка и литературы в Молотовском железнодорожном техникуме. Скоро брак с Бертой «попал в кризис». В 1954 году Владимир, оставив жену и сына, вернулся в Днепропетровск. Он поступил на работу преподавателем истории в ПТУ. И далее до своей кончины в 1983 году работал преподавателем истории в профессионально-технических училищах Днепропетровска.

Активно писал статьи и стихи в местные газеты. За период с 1968 по 1978гг. он

опубликовал около шестидесяти статей на педагогические темы и воспоминания о военном прошлом.

Как коммунист он также много занимался общественной работой в училищах, где преподавал. При этом с учетом царившего в те годы на Украине антисемитизма он нередко вступал в жесткие дискуссии на национальной почве с коллегами-преподавателями.

Во втором браке с Беллой Шульман у него было двое сыновей.

В 70-е годы ему удалось опубликовать маленький отрывок из своих воспоминаний о первых днях в поверженном Берлине в газете «Советский Строитель» от 25 апреля 1975 года. Но при этом он все сильно сгладил и приукрасил по сравнению со своими дневниковыми записями. Это и понятно: такое было время.

Умер Владимир Гельфанд в Днепропетровске 25 ноября 1983 года.

По словам историка Олега Будницкого, им с коллегами по изучению военных архивов Татьяной Ворониной и Ириной Махаловой подготовлен к печати полный, канонический, сверенный с оригиналом, прокомментированный текст дневников Владимира Гельфанда. Выход книги ожидается в этом году.

В заключение хочется сказать, что Женя, внук Владимира Натановича Гельфанда и сын моего друга Саши, очень похож на своего деда, запечатленного на фотографиях 1945-го года. И он принял военную эстафету от деда, достойно отслужив в составе танковых войск ЦАХАЛА, в том числе принимая участие и в боевых операциях.

Аркадий Ют

ОН СТАЛ ЧЕМПИОНОМ

В возрасте 19 лет Миша Райслер был призван в армию. Провожая, отец сказал ему: «Мы больше не увидимся..» Так и случилось. Мой папа не знал о дальнейшей судьбе своей семьи, и никогда потом не виделся с братом, сёстрами, отцом.. Ему суждено было попасть в самое пекло Второй Моровой войны, начавшейся 1 сентября 1939 года.

«Наш артиллерийский полк 28-ой горнострелковой дивизии Северокавказского военного округа был вооружён пушками конной тяги, – вспоминал Михаил Райслер. – Мы находились в станице Белореченская. Нас обучали ведению боевых действий в горной местности. Позже мы прибыли на станцию Смела Киевской области. 21 мая 1941 года нам выдали «смертные жетоны» с указанием фамилии, имени, отчества, места, откуда призван. Писать домой разрешили коротко: «Жив, здоров, находимся на летних манёврах»,

В 1939г. для жителей Львова закончилась польско-немецкая война. Западная Украина, Западная Беларусь вошли в состав СССР.

А до 1939г. город Львов находился на территории Польши. Несложно подсчитать, что мой папа, родившийся в 1919г., жил и рос при капитализме, тогда ещё в Польше. Трудно даже представить, что мог испытывать молодой человек, попав в совершенно незнакомую для него обстановку – в СССР! И тем не менее Михаил Райслер, занесённый ветрами истории в далёкий уральский городок под названием Березники, смог оставить здесь незабываемый след.

Михаил Филиппович Райслер был удивительным человеком. О нём много и интересно можно рассказывать.

Мой папа по паспорту был Моисей. Но, попав в Советский Союз, он нарёк себя Михаилом. Многие даже и не знали, что он назван именем пророка Моисей. И невольно, по неведению, меня называют Ирина Михайловна. А я поправляю и говорю, что я – Ирина Моисеевна! Я горжусь, что моим отцом был Моисей Филиппович Райслер!

с обратным адресом: Киевская область, почтовый ящик №. Все последующие дни мы очень мало спали, поднимали нас по тревоге и учили боевым действиям.

22 июня нас подняли по тревоге, первый раз – по учебной, и только мы вернулись – опять тревога: «Это не учёба, это – ВОЙНА!» В тот же день собрались и ночью двинулись к фронту. Днём отдыхали, ночью по лесным дорогам продолжали движение. Население провожало нас с теплотой и заботой, выносили нам поесть, у кого что имелось, подолгу стояли и смотрели с надеждой нам вслед.

Наша артиллерия находилась на приличном расстоянии от передовой. Коррективы и ведение огня передавались с наблюдательных пунктов, расположенных на деревьях. У немцев наблюдение велось с аэростатов, злобеще висевших над нами и недостижимых для наших зениток...»

Мой папа вспоминал такой эпизод:

«Подвезли мы на огневую позицию снаряды и горячую

пищу. Стали кормить солдат. И вдруг над нами на большой высоте появился фашистский самолёт. Наши закричали: «Рама!» Самолёт покрутился, выпуская из хвоста белый густой дым, и улетел. Буквально через несколько минут по нашей огневой позиции открылся шквальный огонь, как казалось, из тысячи орудий и миномётов. Земля дрожала от взрывов!

Не выдержавшие этого стали выскакивать из окопов, пытались бежать. Но тут раздалась команда: «Стойте! Ни шагу назад! Команды отступать не было. Стрелять буду!» У большого дуба, опираясь спиной на дерево, стоял комбат Ходаков в каске, весь в пыли, держа в руке наган. А кругом рвалось!..

Страх был побеждён, все вернулись в окопы».

Михаилу Райслеру, моему отцу, пригодились и знания нескольких языков, в т.ч. немецкого, при допросах военнопленных. Ему запомнились эти допросы.

«Ганс Цойлер. Так звали немецкого полковника. Типичный фашист: в пенсне на цепочке, самоуверенный, вёл себя надменно и дерзко», — рассказывал мой папа. «Тот немец смотрел вниз, ни на кого ни глядя. Он был ранен и выкрикивал: «Их бин капут!» На мой вопрос, из какой он части, последовал ответ: «Цель перед нами поставлена — взятие Киева».

А некоторые из «языков» либо возмущённо кричали на немецком, либо вовсе не произносили ни слова».

Приходилось Михаилу Райслеру и сражаться в тяжелых и упорных боях против неравных сил противника, пре-

восходящих в военной технике, и спастись в окопах от фашистской авиации, и под шквальным огнём готовить пищу для своих товарищей...

На основании приказа наркома обороны всех, призванных из Украины, Западной Белоруссии, Молдавии и Прибалтики, перевели в тыловые части — стройбатальоны. «Вскоре было принято решение использовать нас в глубоком тылу на предприятиях промышленности», — рассказывал Михаил Филиппович. Таким образом, летом 1942 года Миша Райслер в возрасте 23 лет прибыл в «Севуралтяжстрой» на строительство Березниковского магниевого завода.

Так, ветрами истории занесённый в далёкий уральский городок под названием Березники, Михаил Филиппович Райслер прожил здесь всю свою жизнь, 60 с лишним лет! Тем не менее, не зная русского языка, попав в совершенно незнакомую обстановку, Михаил Райслер смог оставить

неизгладимый след в истории нашего города Березники!

В 1950г. Михаил Райслер стал первым чемпионом России по настольному теннису, ещё три раза добивался этого титула. Впоследствии работал тренером, воспитал целую плеяду победителей и призёров первенства России. За многолетнюю судейскую практику Всесоюзных, Российских и Международных соревнований М.Ф. Райслеру было присвоено звание «Почётный судья по спорту СССР». А также М.Ф. Райслер был первым организатором футбольной команды города Березники и 10 лет являлся её бессменным капитаном.

Под руководством Михаила Филипповича Райслера в 1958г. был введён в эксплуатацию Дом спорта «Титан», первым директором которого он работал до 1968 года. Внешний вид «Титана» до сих пор сохранился таким, каким его задумал Михаил Филиппович Райслер.

Ирина Райслер

ОН ТРИЖДЫ ГОРЕЛ В ТАНКЕ

Не секрет, что со времен средневековых гетто и черты оседлости бытовал образ еврея как человека боязливоего, физически слабого и не приспособленного к тяжелому физическому труду. И сколько бы жизнь ни опровергала этот стереотип, он оставался живучим среди многих людей, в том числе и наших соплеменников.

Не могли поколебать этот миф ни славные имена из еврейской истории — легендарные Махнаев и Бар-Кохба, ни подвиги солдат-евреев русской армии во время войны на Балканах, ни подвиги их на русско-японской войне (вспомним того же георгиевского кавалера Иосифа Трумпельдора), ни на фронтах Первой мировой войны.

Но мы знаем, что среди евреев всегда были, как теперь говорят, крутые с крепкими кулаками смельчаки, отчаянные и решительные, с могучей волей к жизни.

С какой гордостью я читал и перечитывал в 7-м классе эпизод из романа Николая Островского «Как закалялась сталь», в котором он рас-

сказывал, как молодой еврей-кузнец крушил своей кувалдой нападавших на его дом погромщиков-петлюровцев.

А какое восторженное наслаждение вызывали у меня в ранней юности образы налетчика Бени Крика и его отца Менделя, «слившего среди биндюжников грубияном», из «Одесских рассказов» Бабея!

Да и в моей реальной жизни тоже всегда было с кого брать пример, кем восхищаться. Это мой дед Лейба, не доживший всего один месяц до своего столетия. Во время гражданской войны он организовал побег нескольких десятков заложников-евреев, которых вели на расстрел денкинцы. А ещё помню, как в свои 94 года (!) он притащил с рынка домой два мешка капусты для засолки, не дождавись, пока я приеду на помощь с другого конца города на своем «Запорожце».

А шурин моего деда — дядя Лева, воевавший в отряде Щорса, прошедший сталинские лагеря и Сталинградскую битву. Другие мои дяди Хаим и Куссейн, на пиджаках которых не хватало места для всех их воинских наград. И всегда с огромным уважением я чтл друга нашей семьи Якова Моисеевича Бабинского, который в 18 лет был пулеметчиком на Курской дуге!

Но сейчас я хотел бы рассказать ещё об одном человеке. Он впечатлил меня с первого знакомства, которое состоялось на моей свадьбе. Это Александр Ефимович Цейтловский. Вместе со своей семьей он был на свадьбе, как говорится, со стороны невесты. Когда его представляли

мне, моя жена Марина сказала: «Это дядя Саха. Он трижды в танке горел».

С тех пор я часто встречался с дядей Сахой в гостях по праздникам, на днях рождения. И каждый раз меня поражали его неумемная жизненная энергия и сила. Он был жизнерадостным, хотя и несколько резковатым и категоричным в своих высказываниях. Несмотря на многочисленные болячки, мог «хорошо принять на грудь», сохраняя ясность мысли и чувство юмора.

О своем военном прошлом дядя Саха при мне почти не упоминал, только на его 60-лети я кое-что услышал и увидел его многочисленные боевые награды. Каждое 9 мая я стремился поздравить его с днем Победы и когда он жил в Перми, и после того, как в начале 90-х он уехал с семьей в Америку.

В преддверии 70-летия Великой Победы мне захотелось восстановить яркий и захватывающий жизненный путь Александра Ефимовича. Поделиться той информацией, что я узнал от живущих в американском Балтиморе его жены и сына.

Родился Александр Цейтловский в Перми в 1923 году. Это по паспорту, а фактически — в 1924-м. Просто ему смогли подправить свидетельство о рождении, т.к. он безудержно хотел успеть сразу после окончания школы поступить в летное военное училище. А принимали туда с 18-лет, т.е. тех, кто родился не позднее 1923-го года.

Кроме Александра (в свидетельстве о рождении он был записан как Самуил) в семье

росли ещё два брата: Семен и Яша, а также сестра Рая.

Их родители оказались в Перми в самом начале Первой мировой войны. Тогда царские власти выслали евреев из западных приграничных губерний вглубь России как якобы потенциальных немецких шпионов. В Пермь Цейтловские прибыли в 1914 году из далекого латвийского Даугавпилса.

В Перми отец Александра Хаим занялся грузовым извозом. И вплоть до начала пятидесятых годов (!) держал во дворе двухэтажного дома на улице Луначарского, 125, где поживала его семья, конюшню, ломовую лошадь и жеребенка. Его жена Песя-Ривка (урожденная Тульбович) была домохозяйкой. Но вся еврейская округа знала легендарную тетю Песю с её знаменитыми пончиками, печеньем, рулетами и, конечно, мацой, которую семья Цейтловских, почти единственная, пекла тогда на всю Пермь.

А ещё их дом за гостеприимство и всегдашнюю многолюдность в шутку по аналогии с вокзалами называли: «Пермь-Третья».

Как это всё для меня перекликается с колоритными персонажами «Тевье-Молочника» и опять же «Одесских рассказов» Бабеля.

В детстве Сапа Цейтловский был парень хулиганистый, спорщик и бесстрашный драчун. Эту мальчишескую задиристость, бескомпромиссность и категоричность в отношениях с людьми он сохранил до последних дней.

И вот в 1940 году, добавив себе годик, 17-летний Сапа поступает в Челябинскую военную авиационную школу стрелков-бомбардиров. Через

год он оказывается в летних учебных лагерях под Львовом. Здесь его и застала война.

Известно, что уже в первые часы войны гитлеровцы уничтожили большую часть нашей авиации, которая находилась на аэродромах вдоль западной границы СССР. В этой ситуации Александру тогда не удалось встретить врага в небе.

В июле 1941-го авиационное подразделение, где он оказался, перебросили под Новороссийск. Там создавался рубеж, чтобы не допустить врага на Кавказ к бакинской нефти.

Здесь 18-летний Цейтловский получил в свое распоряжение известный всем «небесный тихоход» — биплан У-2. В лётной школе их готовили к полетам на тяжелых бомбардировщиках ТБ, но других самолетов в том авиаотряде, куда он попал, уже не осталось.

Однако авиагруппа Новороссийского оборонительного района наносила бомбо-штурмовые удары по противнику на суше и на море всеми видами авиатехники постоянно.

На доставшейся Цейтловскому «летающей этажерке» его дважды сбивали. Но ему удавалось дотянуть до нашей территории. На третий раз его подбитый самолет приземлился там, где уже хозяйничали немцы. При этом Александр был ранен и посадил самолет, почти потеряв сознание. На земле он попал в плен. Но его пребывание там было недолгим — при первой возможности он бежал.

С огромными трудностями, каждый миг рискуя жизнью, с незажившей раной Александр добрался до своих. Ну а там его ждал особый отдел, следствие и трибунал за потерю самолета и сдачу в плен. В итоге его отправили в штраф-

бат.

Что это такое, многие знают из книг, фильмов, рассказов ветеранов. Вот здесь-то ему очень пригодилось и не раз спасло жизнь умение постоять за себя, которое он приобрел в детстве и юности в уличных и дворовых драках и разборках.

В штрафбате Александр провоевал весь 1942 год. Сражался под Сталинградом. Здесь он получил звание старшины и свое второе ранение. Попал в госпиталь. Кстати, за фронтовые годы Цейтловский был ранен 5 раз! Но всю войну прошел от звонка до звонка.

Так как он искупил кровью вину, приписанную ему особистами, то теперь мечтал воевать не в пехоте, а на технике — самолетах или танках. Как раз в это время в преддверии летней военной компании 1943-го года шло экстренное формирование новых танковых соединений и комплектация тех, что были отведены на переформирование. Кандидатов в танковые экипажи брали и из штрафбатов, и из госпиталей.

Свой путь танкиста Александр Цейтловский начал летом 1943-го заряжающим в танке. Боевое крещение он принял в самом грандиозном танковом сражении Второй Мировой войны на Курской дуге. Сражался в составе 1-го танкового корпуса.

В рядах, точнее танковых колоннах, этого боевого соединения Цейтловский прошел от Курска и Орла до Кёнинсберга.

В октябре — декабре 1943-го танкисты 1-го танкового корпуса сражались в составе 1-го Прибалтийского фронта в районе Великих Лук. Своими стремительным продвижением

с боями они способствовали освобождению более 50-ти населенных пунктов, окружению 87-й пехотной дивизии противника и её ликвидации.

Летом 1944-го года 1-й танковый корпус принимал участие в боях за освобождение Белоруссии. С 21 июня по 3 июля он участвовал в разгроме Витебской группировки врага. Но особенно значимым в его боевом пути и пути Александра Цейтловского было освобождение Полоцка — самого древнего города Белоруссии и её первой столицы.

Кстати, в Полоцке в 1941-42 гг. гитлеровцами и белорусскими полицаями было уничтожено около 10 000 евреев, согнанных предварительно в гетто. Это была почти четверть населения довоенного Полоцка.

Полоцк являлся важным транспортным узлом и был превращен гитлеровцами в мощный рубеж круговой обороны. На подступах к нему немцы создали оборонительную полосу «Тигр». В районе Полоцка сосредоточилось 6 немецких дивизий. Многочисленные озера и болота были включены в оборонительную линию.

Овладеть Полоцком было очень важно для советских войск. Взятие его открывало путь на Минск и в Прибалтийские республики, в том числе и на ближайший латвийский город Даугавпилс. Оттуда прибыла в 1914-м в Пермь семья Цейтловских.

Упорные кровопролитные бои за Полоцк продолжались несколько дней. 4 июля 1944 года город был освобожден. В результате Полоцкой операции было уничтожено 6 немецких дивизий, и советские

войска продвинулись в северо-западном направлении на 120-150 км.

Решающую роль в боях за Полоцк сыграли танковые части. А танк, которым командовал Цейтловский, одним из первых ворвался в город. Через 45 лет после освобождения Полоцка слава, как говорится, нашла героя. В 1989 году Александру Ефимовичу было присвоено звание Почетного жителя Полоцка.

Если в начале войны Цейтловский трижды был сбит на своем «небесном тихоходе», то танки, на которых он воевал, также подбивали три раза. Трижды он горел в танке, наскоро подлечивался, и снова — в строй. Следы того огня он через всю жизнь пронес и на теле, и в душе.

А третий раз его подбили вскоре после взятия Полоцка. Александр успел выскочить через башню и отбежать от охваченной огнем машины, но тут увидел, что водитель танка ранен и не может выбраться через нижний заклинивший люк. Он бросился на помощь боевому товарищу, и тут автоматная очередь пронзила его правую ногу. Превозмогая боль, Александр вытащил водителя из горящего танка, отполз с ним в овраг и потерял сознание.

В медсанбате Александру хотели ампутировать раненую ногу, но он яростно сопротивлялся этому. Потом был санитарный поезд, который должен был привезти Александра в госпиталь в Омск. И вот, во время пути, Цейтловский, выйдя покурить в тамбур, увидел, что поезд притормаживает, проезжая станцию Пермь-2 в его родном городе. Ни о чем не думая, он с костылями в боль-

ничной одежде выпрыгнул из вагона.

А дальше уже в городе недалеко от своего дома его, обессиленного, на скамейке увидел и подобрал брат матери Миша Тульбович, который находился в ту пору в отпуске по ранению.

Но в Перми (тогда Молодове), Александр долго не задержался. Это отдельная история, как он оказался в госпитале за сотни километров от Перми в городе Днепрпетровске.

Подлечившись там, он, знавший неплохо немецкий язык, был направлен военкоматом на работу переводчиком в лагерь для немецких военнопленных, который находился на окраине Днепрпетровска.

А здесь случился просто литературный сюжет. Он решил приударить за молодой еврейской девушкой с красивым именем Мирьям, но для окружающих она была и осталась по сей день Марией и Манечкой. Работала она в этом же лагере учетчицей. Маня тоже прониклась симпатией к bravому танкисту, хоть ещё прихрамывавшему и ходившему с палочкой. Интересно, что познакомились они на танцах, где недавно вставший на ноги Александр не побоялся пригласить девушку на вальс.

Через короткое время молодые расписались. Чтобы зарегистрировать брак, им пришлось ехать на поезде в райцентр, где располагался военкомат, к которому был приписан Александр. А обратно молодоженам пришлось идти пешком более десятка километров, т.к. поезда в город в тот день уже не ходили. Зато на обратном пути, как говорил Цейтловский, на-

целовались они на всю жизнь.

Свадебный банкет молодых состоял из водки, селедки, картошки и одной конфетки.

А через четыре дня Александр вновь отправился на фронт.

Он нашел свой танковый корпус уже на границе с Германией. Предстояли тяжелые бои в Восточной Пруссии. Там, преодолевая упорное сопротивление фашистов, обходя узлы их обороны, угрожая им с тыла и флангов, 1-й Краснознаменный танковый корпус прошел с боями десятки километров в направлении Кёнигсберга.

Позади остались взятые Тильзит, Гросс-Скайргиррен, Пиллау. Но наиболее ожесточенные бои шли при взятии города Инстербурга — мощного укрепленного района обороны немцев на пути к Кёнигсбергу.

За овладение этим городом-крепостью 1-му танковому Краснознаменному корпусу 22 января 1945 года было присвоено почетное наименование «Инстербургский», а Александру Цейтловскому присвоили звание капитана.

А далее в апреле 45-го был прорыв оборонительных рубежей и взятие самого Кёнигсберга, участие в ликвидации Земландской группировки гитлеровцев.

В мае 1945-го Цейтловский уже в составе 4-й гвардейского Кантемировского танкового корпуса участвовал в освобождении Праги.

В августе 1945-го ему уже предстоял путь домой. Это путь лежал через Львов, где в 1941-м началась для 18-летнего Александра война. И вот здесь же в 1945-м он получил свое последнее и, наверно, самое опасное ранение.

Это произошло 27 августа.

Его подразделение ненадолго оставили во Львове для ликвидации остатков бандеровских банд. А попутно послали с шефской помощью в пригородный колхоз на уборку урожая овощей. Во время перекура Александр пошел побродить по ближнему лесочку. Ему выстрелили в спину.

Товарищи сняли с него гимнастерку, как-то перевязали и отвезли в госпиталь. Окровавленная гимнастерка с документами осталась в лесу. Непонятно почему, но домой в Пермь пришло письмо, что Александр Ефимович Цейтловский пропал без вести, а через пару недель вообще принесли похоронку.

А ранее к родителям Александра, преодолев немалые трудности, приехала на последнем месяце беременности из Днепропетровска его жена. И 5 мая у Цейтловского родился его первый сын Лева.

Могучая воля к жизни вырвала Александра у смерти. Он выжил и в октябре 1945-го вернулся в Пермь. Когда он зашел в дом, где по нему уже справили поминки, его мать Песя упала, потеряв сознание.

Первые послевоенные годы для молодого фронтовика и его семьи были и радостными, и очень нелегкими. В семье уже было двое детей — в 1948-м родился второй сын Володя. Некоторое время Александр работал в милиции, но его вспыльчивый характер и привычка говорить правду в лицо не позволили ему задержаться там надолго.

В 1950-м году в праздник 7 ноября Александр с семьей возвращался из гостей к себе домой — в угловую комнатку в огромной комму-

нальной квартире в доме на ул. Советской, где сейчас краевая филармония. Проходя через Окуловский съезд (ныне съезд Уральских добровольцев), он возмутился, когда шедший навстречу подвыпивший мужик толкнул плечом его жену. Услышав в ответ «жидовская морда», прошедший всю войну фронтовик так «приложил» антисемита, что тот больше уже не поднялся.

Состоялся суд, и Цейтловский оказался в Воркутинских лагерях. К счастью, весь срок ему отбывать не пришлось — он попал под знаменитую Бериевскую амнистию и в декабре 1953-го года под Новый год приехал домой.

В это время его семья (жена с двумя маленькими ребятами) буквально бедствовала. Незадолго до возвращения Александра комнату, где они жили, подчистую ограбили цыгане. Вынесли все, включая ложки и кастрюли. Оставили, как говорится, только дверь.

А потом после возвращения домой была долгая жизнь, полная трудов, забот, печалей, радостей и друзей. Александр Ефимович прожил 87 лет. Последние 20 лет — в Америке со старшим сыном в городе Балтиморе. Там он перенес несколько тяжелых операций.

Но всегда и везде его отличали огромная воля к жизни, нетерпимость к неправде и несправедливости, решительность и смелость. Все то, что помогло ему пройти через военные испытания и победить.

Аркадий Дт

ИВАН БУНИН МОЖЕТ СТАТЬ ГЕРОЕМ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

По инициативе РЕК и Центра «Холокост» начат сбор документов об участии русского писателя в спасении евреев во время войны

Российский еврейский конгресс и Центр «Холокост» инициировали присвоение великому русскому писателю, лауреату Нобелевской премии Ивану Бунину и его супруге Вере Муромцевой-Буниной звания Праведников народов мира. Это звание присуждается людям разных национальностей, которые, рискуя жизнью, спасали евреев во время Холокоста, и считается одним из высших символов уважения еврейского народа. На минувшей неделе отдел Праведников мемориала «Яд ва-Шем» в Иерусалиме принял запрос РЕК и центра «Холокост» и начал сбор официальных документов об обстоятельствах участия Буниных в спасении евреев.

Российскому еврейскому конгрессу удалось собрать во-едино многочисленные свидетельства биографов Бунина. В этом РЕК оказал большую помощь живущий за рубежом писатель Марк Уральский. Согласно этим данным, во время нацист-

ской оккупации Бунины укрывали на своей съемной вилле «Жаннет» в Грассе на юге Франции, по меньшей мере, троих евреев: литературного критика Александра Бахраха, пианиста Александра Либермана и его супругу Стефанию Либерман.

Мемуарист русского зарубежья, уроженец Киева Александр Бархрах провел в доме Буниных весь период оккупации Франции — около трех лет, до 23 октября 1944 года. Это подтверждают не только свидетельства тех, кто знал писателя лично (писатели-эмигранты Марк Алданов и Леонид Зуров, журналист Андрей Седых), но и воспоминания самого Бунина и спасенного им Бархраха.

Пианист еврейского происхождения Александр Либерман, родившийся в городе Стародуб (ныне Брянская область), вместе со своей супругой-еврейкой нашли спасение на той же вилле в ноябре 1942 года. Это было во время первой акции против евреев на юге Франции, в ходе которой в лагеря смерти было депортировано II тысяч человек. Этот факт также не вызывает сомнений у библиографов Бунина. Подтверждения можно найти и в письмах самого Либермана, впоследствии переехавшего с женой в США, и в книге российского литературоведа Александра Бабореко «Бунин: жизнеописание».

«Российский еврейский конгресс считает важным довести эту работу до конца и приложить все усилия, чтобы Бунин был признан достойным этого звания. — говорит президент Российского еврейского кон-

гресса Эрих Каннер. — Этим мы хотим напомнить о подвиге великого русского писателя и в год 70-летия Победы привлечь внимание не только к жертвам Холокоста, но и к героям, спасавшим еврейский народ». Глава РЕК отмечает, что ни в России, ни за рубежом никто из литературоведов не изучал этот вопрос, поскольку тема спасения евреев во время Холокоста людьми других национальностей до сих пор не получила должного интереса. «Мы постараемся привлечь всех специалистов, как в Институте мировой литературы, где готовится к изданию полное собрание сочинений И. А. Бунина, так и хранителей его архивов в разных странах, чтобы как можно быстрее были представлены все необходимые доказательства. Если этот факт будет установлен, то подвиг первого русского писателя-лауреата Нобелевской премии обязательно должен быть увековечен в столице его родины».

Если собранных доказательств будет достаточно, Иван Бунин может стать первым Праведником народов мира, получившим всемирную известность еще до своего подвига. И единственным среди них нобелевским лауреатом. Из более чем 25 тысяч человек (включая 189 представителей РСФСР и России), удостоенных сегодня звания Праведников народов мира, самыми известными остаются пока Оскар Шиндлер, Ирена Сендлер и Рауль Валленберг. При этом все они получили признание уже после войны и именно благодаря совершенному им подвигу.

* Из письма публициста Марка Алданова об Иване Бунине (22 августа 1950 года, Нью-Йорк): «Он всегда в эмиграции и зарабатывал мало, а в годы оккупации прожил остатки. Вел себя, как Вы знаете, очень достойно, — не только ни одной строчки при Гитлере не напечатал, но и кормил и поил несколько лет других людей, в том числе одного писателя-еврея, который у него все эти годы жил».

* Из книги «Далекое близкое» (Нью-Йорк, 1962) литературного критика Андрея Седых, где автор цитирует Ивана Бунина: «Один вот приехал к нам погостить денюха на два. Было это три года тому назад. С тех пор вот и живет, гостит. Да и уходит ему, по правде говоря, некуда: еврей. Не могу же я его выставить». * Из писем Ивана Бунина к писателю Борису Зайцеву (22 и 26 октября 1944 года, Грас): «Милый друг, пишу тебе с Александром Васильевичем Бахрахом, который завтра покидает нас...», «В доме стало еще более пусто — 23-го уехал в Париж Бахрах — навсегда...»

* Из книги российского литературоведа Александра Бабореко «Бунин: Жизнеописание» (М., 2004): «Бунин прятал у себя людей, подвергавшихся фашистским преследованиям. Он спас от карателей пианиста Александра Борисовича Либермана и его жену».

* Из воспоминаний писателя, наследника бунинского архива Леонида Зурова (1965 год): «Во время войны у Буниных спасался парижский литератор Александр Васильевич Бахрах, бежавший в Грасс после поражения французской армии. Вся война он провел у Буниных. В самые опасные времена Вера Николаевна его крестила (в маленькой церкви, находившейся в Канн-ла-Бонна) у священника каннской церкви Соболева. Бахрах был однажды на улице арестован эсэсовцами, которые явились в Грасс с русского фронта зализывать раны, отведен в штаб, но выданная Соболевым бумага его спасла».

* Из письма спасенного Александра Либермана (23 июня 1964 года): «Как сейчас помню жаркий летний день в августе 1942 года. Подпольная французская организация оповестила нас, что этой ночью будут аресты иностранных евреев... Как раз в этот момент зашел Иван Алексеевич. С удивлением спросил, в чем дело, и, когда мы ему объяснили, стал настаивать на том, чтобы мы немедленно поселились в его вилле. Мы сначала отказывались, не желая подвергать его риску, но он сказал, что не уйдет, пока мы не дадим ему слова, что вечером мы будем у него. Так мы и сделали — и провели у него несколько тревожных дней».

МОЛИТВА

Когда весенним долгожданным маем
Мы сядем все за праздничный обед,
Места пусты за столом оставим
Для тех, кого сегодня с нами нет.

Глядят со стен родные лица:
Тот не пришел и этот не дожид...
Нас не учила бабушка молиться,
Я сам молитву эту сочинил.

Молись за своего отца,
Который не увидел нас,
Молись за каждого бойца,
Что умирал по сотне раз.

За тех, что молча шли к печам,
За тех, кто с песней шел на танк,
И за того, кто по ночам
Писал дневник, как Анна Франк.

Гремит салют, и веселятся дети,
Оркестр играет в городском саду,
И в этот день так ярко звезды светят,
Что забываешь желтую звезду.

Давайте петь и веселиться,
Не каждый раз бывает день такой...
Но если кто-то хочет помолиться,
Пусть, не стесняясь, молится со мной.

Молись за тех, кто спит в земле,
За школьных сверстников моих,
За женщину в глухом селе,
Что прятала детей чужих.

За Бабий Яр, за Сталинград,
За тех, кого не дождались!
За всех, кто не пришел назад,
Чтоб мы сегодня собрались.

Аркадий Хайт

Пятый семейный фестиваль еврейской культуры в этом году мы посвящаем 70-летию Великой Победы. 11 мая в конференц-зале отеля «Урал» вашему вниманию будут представлены выступления победителей фестивалей разных лет. Начало концерта в 14 часов. Ждём вас, дорогие друзья!

КОСПЛЕЙ – ЭТО ТВОРЧЕСТВО!

Продолжаем реализацию нового проекта МРО ИРО «Косплей. Все вместе за Родину!», посвященного 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

Всем желающим мы предлагаем принять участие в нашем проекте (предусмотрена дистанционная версия реализации проекта).

Победители конкурса отправятся в «Альянс-парк» – крупнейший парк активного отдыха на Урале, где станут участниками военизированной игры.

Напомним, что главная цель проекта – оживить в памяти образы героев ВОВ.

Косплей – это современный и популярный в молодёжной среде метод, подразумевающий подражание героям, реконструкцию картин и событий.

На первом этапе участникам (учащимся 10 класса школы №7 и студентам ПНИПУ – Политеха) предлагается для просмотра фильм о войне (школьники смотрели фильм «Молодая гвардия», где герои – сверстники участников проекта, а студенты смотрели фильм «В бой идут одни старики»), на втором этапе участники выбирают образ для подражания и дальнейшей реконструкции (желательно внешнее сходство с участником), осмысление настроения образа. Третий этап – создание фотогалереи образов с дальнейшей их демонстрацией другим учащимся школ. Конечная цель косплея – популяризация героев той или иной эпохи, формирование у участников позиции патриотизма, но и, конечно, развитие у учащихся творческих способностей.

Проект получил финансирование, участвуя в XVII городском конкурсе социально-значимых проектов «Город – это мы».

В рамках проекта также планируется проведение косплея с молодёжью из разных национальных общин нашего города.

10 лучших советских фильмов о ВОВ (имеется в нашей фильмотеке), рекомендованных Министерством культуры РФ, используемых в нашем проекте:

1. «Они сражались за Родину» (1975);	6. «Восхождение» (1976);
2. «Отец солдата» (1964);	7. «Два бойца» (1943);
3. «Падение Берлина» (1949);	8. «Молодая гвардия» (1948);
4. «Аты-баты, шли солдаты..» (1976);	9. «Баллада о солдате» (1959);
5. «В бой идут одни старики» (1973);	10. «Дожить до рассвета» (1975).

Татьяна Соснович, руководитель проекта

«КОСПЛЕЙ. ВСЕМОДЕ ЗА РОДИНУ»

ПОСВЯЩАЕТСЯ 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 ГОДОВ.

Лейтенант
Виктор Щедонов
«Смуглянка из
фильма о ВОВ
«В бой идут
одни старики»

Участник
косплея

Пермь, 2015 год

«День за днем». Главный редактор Корженевич С., Свидетельство о регистрации: ПИ № ТУ 59-0035от 18.07.2008г.

Учредитель: Общественная организация Пермская региональная еврейская национально-культурная автономия.

«Пермская еврейская автономия (ПЕА)». Адрес учредителя и редакции: г. Пермь, ул. Екатеринбургская, 116, Адрес издателя: г. Пермь, ул. Екатеринбургская 116.

Орган зарегистрировавший СМИ (Управление Федеральной службы по надзору массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия по Пермскому краю).

Распространяется бесплатно, Тираж 1250 экз., Заказ № 345, Дата выхода в свет 29.04.2015, время подписания по графику 13.00 ч., фактически 13.00 ч.

Отпечатано в типографии ООО «Издательский дом «Ника», адрес 614000, г. Пермь, ул. Г. Хасана, 34, тел. (342) 281-24-21, 294-15-65, 294-15-60, 243-02-48

Издается в рамках краевой целевой программы развития и гармонизации национальных отношений народов Пермского края